

Лидия
Слонимская
БЛОКАДА

Лидия Л. Слонимская

Блокада

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74080907
ISBN 978-5-89059-587-4

Аннотация

Воспоминания Лидии Леонидовны Слонимской о блокаде написаны сразу после войны на материале дневников и семейной переписки. Они субъективны, как любые мемуары, но их откровенность, а порой беспощадность идет от любви к родному Петербургу – Ленинграду, своим корням, семье и дорогим ей людям. Их доверительная интонация позволяет почувствовать время войны, трудное для описания, и попытаться мысленно поставить себя на место ленинградцев, борющихся за свою жизнь и жизнь своих близких.

Л. Л. Слонимская (1900–1965) – переводчик, писатель. Переводила Т. Майн Рида, Д. Лондона, О. де Бальзака, Э. Золя, Ж. Верна, Д. Гарнетта и др. Правнучка родной сестры А. С. Пушкина О. С. Павлицевой.

Содержание

Об авторе	5
Блокада	10
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Лидия Слонимская

Блокада

На обложке: Сгоревший дом на Лиговском проспекте.
1942

Фото Сергея Струнникова (1907–1944)

© Т. В. Акулова, подготовка текста,
вступительная статья, комментарии, 2025

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2025

© Издательство Ивана Лимбаха, 2025

* * *

Об авторе

Лидия Леонидовна Слонимская имела право сказать о себе: «Я сильна белой костью, голубой кровью, огненной яростью...»

Л. Л. Слонимская (20 октября [2 ноября] 1900 – 20 мая 1965) – переводчик, писатель. Родилась в Петербурге в семье полковника Генерального штаба Леонида Карловича Куна и его жены Елены Иосифовны Панэ, внучки О. С. Павлицевой, сестры А. С. Пушкина; жена пушкиниста Александра Леонидовича Слонимского (с 1922 года). В двадцатые годы работала в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН); переводила Т. М. Рида, Д. Лондона, Т. Ф. Поуиса, О. де Бальзака, Э. Золя, Ж. Верна, Д. Гарнетта и др.

После эвакуации 14 сентября 1942 года из блокадного Ленинграда в Москву к мужу Л. Л. Слонимская осталась там, пытаясь вылечить больного сына Владимира. После смерти сына в Ленинград не вернулась. По воспоминаниям пушкиниста А. М. Гордина, «на могилу сына Слонимские приходили ежедневно».

12 января 1961 года газета «Московский литератор» (№ 2) поместила заметку «Будьте знакомы» о новых членах Союза писателей, среди которых названа и Л. Л. Слонимская. Но в последние годы жизни Лидия Леонидовна тяжело болела, и в конце концов ее сразил инсульт. На смерть Л. Л. Слоним-

ской отозвалась «Литературная газета» (1965. 25 мая. № 62), выразив соболезнование «друзьям и близким».

Л. Л. Слонимская похоронена в Москве рядом с сыном, мужем и предками по линии Пушкиных на кладбище Донского монастыря у Большого (Нового) собора.

В 1993 году издан труд «Мир Пушкина. Письма Сергея Осиповича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой. 1828–1835», подготовленный Л. Л. Слонимской (перевод, предисловие, комментарии), который при жизни издать она не смогла. Письма были спасены ею в блокадном Ленинграде и вывезены в Москву. На книге посвящение: «Памяти сына, Владимира Александровича Слонимского, погибшего 3 июля 1944 года, – последнего в роду Ольги Сергеевны Пушкиной-Павлицевой».

Вероятно, пережив время блокады с сентября 1941 по сентябрь 1942 года, Лидия Леонидовна еще долго прожила бы и не умерла в неполные 65 лет, но ее подкосила смерть единственного сына, с которым их, как она пишет, «всю блокадную зиму 1941/42 года преследовала мечта – украсть буханку хлеба». И добавляет: «Но красть было негде».

Воспоминания Л. Л. Слонимской предельно честные. Они субъективны, как любые мемуары, а иногда и несправедливы – в части описания поведения отдельных людей в блокадном Ленинграде, когда не каждому, по убеждению Лидии Леонидовны, удавалось сохранить человеческое достоинство. Сама она, сильная и страстная натура, была готова пойти на всё –

кроме подлости – во имя спасения родных. Автор воспоминаний, говоря о людях, с которыми столкнулась в осажденном городе, часто беспощадна, но она беспощадна и к самой себе и не скрывает, что пережитое, голод («В нашей семье все были тронуты голодным психозом – все в разной мере и каждый по-своему», пишет она), как и страх за близких, наложили непоправимый отпечаток на ее психику. Подобные признания присутствуют на страницах и других блокадных дневников¹ и воспоминаний.

Откровенная интонация Слонимской, идущая от любви автора к родному Петербургу – Ленинграду, своим корням, семье и дорогим ей людям, позволяет почувствовать время войны, для описания неимоверно трудное, и попытаться, никого не осуждая, из нашего сегодняшнего времени, мысленно поставить себя на место ленинградцев, борющихся за жизнь и своих близких.

«...И муж и я – мы оба убитые люди. Я знаю, что взялась за непосильную задачу. Блокада ждет своего певца – масштабов Достоевского и Блока. Я только описала нашу общую долю бедствий и те картины и встречи, которые попались на

¹ Одна из последних вышедших книг: Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской / Сост., предисл., коммент. А. И. Рупасова, А. Н. Чистикова; ред. Н. Е. Соколовская. М.: КоЛибри; СПб.: Азбука-Аттикус, 2023; «Пока я жива, живешь и ты»: Женские дневники блокадного Ленинграда / Сост. А. Ф. Павловский, А. Ю. Павловская; науч. ред. Н. А. Ломагин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025.

моем пути», – заключает Лидия Леонидовна Слонимская.

Поклонимся же низко автору – свидетелю блокады – за этот труд, который она считала себя обязанной нам оставить.

Воспоминания Л. Л. Слонимской печатаются с небольшими сокращениями, сделанными по этическим соображениям, и с сохранением авторской орфографии. Рукопись с комментариями подготовлена к публикации с разрешения хранителя документа М. Г. Бурачковой, родственницы Слонимских. «Блокада» написана в Москве (лето 1945 – начало 1950-х), напечатана автором в нескольких экземплярах (один из них хранится в РГАЛИ: ф. 2281, оп. 1, ед. хр. 374). Точные даты смерти указаны в комментариях по сайту: Возвращённые имена. Книги памяти России: Блокада (Российская национальная библиотека) – <https://visz.nlr.ru/blockade>

Публикатор выражает благодарность за помощь в подготовке текста писательнице Н. Е. Соколовской, шеф-редактору журнала «Родина» И. А. Коцу, сотруднику РГАЛИ Л. М. Бабаевой.

Татьяна Акулова

Посвящаю памяти моего сына

*Для того, чтобы сказать понятно то, что
имеешь сказать, говори искренне, а чтобы говорить*

искренне, говори так, как мысль приходила тебе.
Л. Толстой. Из ранних дневников

*Вы не спасетесь ни законом денег,
Ни пулей, ни лжи словами,
Со всех пустырей поднимутся тени
Всех, замученных вами.*

Н. Тихонов

*А вы, мои друзья последнего призыва,
Мне ль вас оплакивать? —
Мне жизнь присуждена...
Над вашей памятью склониться ль
мне плакучей ивой
Иль крикнуть на весь мир все ваши имена?*

*Да что там имена! Захлопываю святцы —
И на колени все!.. Багровый хлынул свет,
Рядами стройными выходят ленинградцы,
Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.*
А. Ахматова²

² Анна Ахматова. «In memoriam» (1942; воспроизведено Л. Л. Слонимской по памяти).

Блокада

Лето и осень 1941 года

22 июня, в день объявления войны, у нас случайно было выключено радио³. Я вышла из дому в первом часу, и меня поразил вид улицы – суета, обилие людей с противогазами, возбужденные лица. В трамвае решила спросить, в чем дело, на меня посмотрели с изумлением – сказали. Волнение заставило меня выйти из трамвая – я пошла в церковь... Служба давно кончилась, но храм был полон народа. Я तोпилась домой сообщить своим. На обратном пути зашла в булочную – уже стояла очередь, все бросились запасаться хлебом. Купила на все деньги сушек и бегом на Петровский⁴. Мои уже всё знали: Саша⁵ позвонил Тихонову⁶, собираясь к

³ В большинстве ленинградских квартир радиоприемник не выключался, даже когда жильцы уходили из дома надолго.

⁴ Семья Слонимских жила в Ленинграде на Петровском острове (Петровский пр., д. 2, кв. 7).

⁵ Слонимский Александр Леонидович (23 мая <4 июня> 1881 – 14 октября 1964) – писатель, литературовед, пушкинист. Муж Л. Л. Слонимской. Окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1904). С 1921 г. по 1929 г. преподавал в Институте народного образования; старший научный сотрудник Государственного института истории искусств; читал лекции по истории и теории драмы на Высших курсах

нему зайти, – ему сказала Мария Константиновна⁷. Вовочки⁸

искусствознания при этом институте. Член Пушкинской комиссии. Автор книг «Детство Пушкина» и «Лицей» (1964), «Юность Пушкина» (1966), литературоведческих трудов о Н. В. Гоголе и А. С. Пушкине и многих др., сценария кинофильма «Юность поэта» (1937). Во время блокады преподавал в Ленинградском театральном институте им. А. Н. Островского. В июне 1942 г. в состоянии тяжелой дистрофии был эвакуирован из блокадного города в Москву, где и остался; читал лекции в Литературном институте им. А. М. Горького. В 1943 г. вышла книга «Лирика Пушкина» (с комментариями, в т. ч. А. Л. Слонимского), книга И. И. Пущина «Записки о Пушкине» (с предисловием А. Л. Слонимского), опубликован его рассказ «Предки героев» (газета «Краснофлотец», № 19–20). 6 февраля 1948 г. в ЛГУ состоялась защита его докторской диссертации «Народные основы поэзии Пушкина». Комиссия единогласно приняла решение о присуждении ему степени д.ф.н.; однако в ВАК рекомендовали диссертацию доработать, а затем пройти повторную защиту; от этого отказался. Степень присуждена не была, монография по материалам докторской диссертации также не была напечатана (хранится в РГБ). Занимался популяризацией науки и художественной прозой. Работал в Литературном музее. Книги А. Л. Слонимского «Мастерство Пушкина» (1959 г. и 1963 г.) вышли с посвящением: «Памяти моего сына Владимира (1923–1944)». Скончался в Москве, похоронен на кладбище Донского монастыря. Сразу же после смерти А. Л. Слонимского в октябре 1964 г. вдова передала его архив в ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ. Ф. 2281).

⁶ Тихонов Николай Семенович (1896–1979) – поэт. Лауреат Сталинских премий 1-й ст. (1942, 1949, 1952), Герой Социалистического Труда (1966 г.), Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1957), Ленинской премии (1970) и др. Участник советско-финляндской войны (1939–1940). Возглавлял группу писателей и художников при газете «На страже Родины». Во время Великой Отечественной войны работал в политуправлении Ленинградского фронта, часто выезжал на передовую. С мая 1942 г. по январь 1944 г. в газете «Красная звезда» публиковались его ежемесячные очерки (позже они объединены в цикл «Ленинград принимает бой»). В 1944 г. был избран председателем Союза писателей СССР и переехал в Москву. Скончался в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

⁷ Неслуховская Мария Константиновна (1892–1975) – театральная художник,

я не застала, он побежал к товарищу. Как прошел день, не помню. Было воскресенье, наверно, приехала мама⁹, заходили знакомые, соседи. Слушали радио.

В первые дни началась продуктовая паника. Люди боялись карточек, голода и спешили запастись. В магазинах была толчея, но продуктов еще больше, чем до войны, и когда через несколько дней выяснилось, что они и не убывают, то все успокоилось. Я только купила сухарей, сухих фруктов,

кукольный мастер. Жена Н. С. Тихонова. Долгие годы работала в кукольном театре. Скончалась в Москве, похоронена на Переделкинском кладбище.

⁸ Слонимский Владимир Александрович (25 декабря 1923 – 3 июля 1944) – сын Л. Л. и А. Л. Слонимских. В 1941 г. окончил 9 классов средней школы. Находился в блокадном Ленинграде до эвакуации в Москву 14 сентября 1942 г. Неоднократно проходил лечение, но скончался от последствий голода и болезни (в ряде источников ошибочно указывается, что погиб на фронте). «Наш сын Володя скончался 3 июля 1944 г., в 7 ч. вечера» от туберкулеза почек, приобретенного в Ленинграде. За 5 минут он сказал: „Бабушка!“ – точно видел ее. Он теперь с нашей Еленой Иосифовной, а мы одни» (из письма А. Л. Слонимского краеведу А. Н. Лбовскому А. Н. РНБ. Ф. 423. Ед. хр. 795. Л. 9). Прах захоронен на кладбище Донского монастыря. Во время блокады и в эвакуации в Москве В. Слонимский много рисовал, в т. ч. портреты лиц, связанных с пушкинской биографией. Остались его рисунки, некоторые из них (фотокопии) представлены в рукописном отделе РНБ.

⁹ Кун Елена Иосифовна (1869 – 16 июля 1942) – дочь итальянца музыканта Иосифа Рафаиловича Панэ и Надежды Николаевны Павлицевой (1836–1909), внучка сестры Пушкина О. С. Павлицевой (1827–1868), вдова полковника Генерального штаба Л. К. Куна, мать Л. Л. Сперанской, бабушка Владимира Слонимского. В 1923–1926 гг. передала в музей Пушкинского Дома хранившиеся в семье личные вещи Пушкиных и Павлицевых. Жила в квартире Штаба Ленинградского военного округа на Дворцовой площади. Скончалась в больнице в блокадном Ленинграде. Место захоронения неизвестно.

сахару. Шоколаду, немного грудинки и семь банок крабов для Фомушки¹⁰. Потом прибавила к этому «неприкосновенному фонду» кулек крупы, несколько коробок овсяного какао и сочла себя обеспеченной.

Когда в середине лета были выданы хлебные карточки, то оказалось, что наша норма так велика, что мы ее не только не съедаем, но даже и не брали целиком. Я насушила немного черных сухарей, раскладывая ломти на балконе, на стеклянной крыше пустого террариума, – но очень мало. Мы не знали, что нас ждет... Немцы еще были очень далеко...¹¹

Между тем вся жизнь в городе преобразилась. Начались затемнения, пробные тревоги. В домах были организованы группы самозащиты¹², в которые вошли домашние хозяйки.

¹⁰ Фомушка – кот Сперанских.

¹¹ 10 июля 1941 г. немецко-фашистские войска развернули наступление на юго-западных подступах к Ленинграду. 14 июля враг вышел к р. Луге и прорвался к Лужской линии обороны западнее пос. Шимска. 8–10 августа начались оборонительные бои на ближних подступах к Ленинграду. Несмотря на героическое сопротивление советских войск, противник прорвался на левом фланге Лужской линии обороны и 19 августа занял Новгород, 20 августа – Чудово, перерезал шоссе и железную дорогу Москва – Ленинград. В конце августа финские войска вышли к линии старой государственной границы СССР 1939 г. Прорвавшись через станцию Мга и овладев 8 сентября Шлиссельбургом, немецко-фашистские войска отрезали Ленинград с суши. Началась блокада Ленинграда, сообщение с городом поддерживалось только по Ладожскому озеру и воздушным путем.

¹² С 23 июля 1941 г. на крышах и чердаках жилых и производственных зданий в Ленинграде устанавливалось круглосуточное дежурство постов групп самозащиты МПВО, начались активные мероприятия по подготовки города к воздушным атакам: только к концу августа 1941 г. было сформировано 3040 групп са-

Взяли и меня в санитарное звено. Хотя я и не была «домохозяйка» и имела право не состоять в группе самозащиты, но я не сочла тактичным отказаться и проработала в этом звене до глубокой осени, совершенно подорвав себе здоровье ночными дежурствами. Все удивлялись, что я, имея право не дежурить, надежурилась с июня не одну сотню часов. Вначале, когда в звеньях не хватало народу, приходилось дежурить через день по 10 и 8 часов. Это была пытка. «Начальником группы самозащиты» была отвратительная женщина, полуграмотная и наглая, Ольга Голованова. Она буквально терроризировала женщин и особенное свое внимание обратила на интеллигенток. Меня она ненавидела и старалась как можно чаще назначать на дежурства и в ночные часы. Храбра она была только ругаться и пакостить. Военную же доблесть обнаружилась во время одной пробной тревоги, среди бела дня, когда все звенья собрались на дворе, на своих местах.

Был яркий солнечный день, но незаметно за домами подкралась грозная туча и еще не закрыла солнца, как вдруг раздался оглушительный удар грома. Голованова как была посреди двора, так и плюхнулась наземь со страху. Ее приветствовал дружный хохот всех ее «подчиненных».

Нельзя передать бестолочи и бессмыслицы, царившей в нашей группе. Хозяйничали настоящие «рукосуи» и «головотяпы». Голованову мы звали «Дунька толстопятая», а ее

мозащиты в жилых домах, в которых состояло около 90 тыс. человек, а в декабре количество убежищ увеличилось почти в 3,5 раза.

помощницу, польку легкого поведения – «Клементина де Бурбон». Эта Клементина, брюнетка, половину головы выкрасила в рыжий цвет. Бабы звали ее «чалая», «чалка». Она славилась тем, что подкарауливала чужих мужей, когда они шли с получкой. Раз я видела, как на нашем углу ее на месте преступления поймала чья-то жена и стала колотить, а кругом столпились старухи и кричали: «Бей ее, чалку! Бей!» И вот эта полька с женой энкавэдэшника Головановой заправляла всем. Благодаря своему «положению» они быстро свели знакомство с милицией и какими-то военными, и по ночам, в то время, как мы дежурили, к подъезду Клементины подкатывали машины, выгружалось вино и еда, и еженощно происходили оргии. Под утро оттуда иногда выскакивала пьяная Голованова и «проверяла» посты.

Грызня между членами группы самозащиты шла непрерывная. Я забыла фамилию тогдашнего управдома¹³. Он был

¹³ «Летом 1941 г. в Ленинград хлынул поток беженцев. Это побудило руководство города к ужесточению паспортного режима и правил прописки. Решение исполкома Ленгорсовета, принятое 30 июля 1941 г., обязывало управдомов, комендантов и домовладельцев «строго следить за лицами, вновь прибывшими на проживание в дом, требуя от них немедленной личной явки в отделение милиции для разрешения вопроса о прописке». Управхоз назначал ответственных по квартире лиц; имел право предъявлять иски о выселении за «неплатеж квартплаты», разрушение жилплощади, систематическое нарушение правил внутреннего распорядка в квартирах. Этими рычагами в годы блокады управхозы неоднократно пользовались: из-за неуплаты квартплаты они отказывались заверять стандартные справки на получение продовольственных карточек, требовали от жильцов документы из райздрава, трудкомиссии и т. д., а от подростков – справки из РОНО, в ряде случаев обрекая своими действиями людей на голодную смерть» (Гав-

в одной компании с Дунькой и Клементинкой. Но наконец терпение баб лопнуло. Произошла дворовая революция, возглавляемая Тонькой Вигелиус и Манькой-молочницей, и вся компания была свергнута. На место Голова-новой был назначен некий Пирожков, на место Клементины – Манька, и появился новый управдом по фамилии Хамухин, седовласый старец, притворявшийся глухим, как только к нему обращались с каким-нибудь требованием или выражали неудовольствие.

Стало чуть потише, и водворился относительный порядок. В жакте был вывешен «Список дежурств». Дежурило пожарное звено, санитарное, «связистое» и «порядковое». У телефона всегда был человек, но большей частью попадались неграмотные женщины.

Одна и них рассказывала, как она разговаривала с милицией. Ее о чем-то спрашивают, она не понимает, тогда милиционер разозлился и крикнул:

– Кто поставил к телефону такую дуру?

А ему в ответ:

– Ты не лайся, сам дурак! – и повесила трубку на рогатулинку.

Начальником санзвена (моим начальником) была очень милая молодая женщина, жена врача, Ольга Михайловна Стец. Мы устроили своими трудами и средствами комнату

первой помощи, купили медикаменты. Ругани среди нас не было. Кроме меня в санзвено входили еще две интеллигентные женщины и «помощница начальника» – Ольга Викторовна Пегова, умершая в апреле 1942 года от истощения. Ольга Викторовна страшно боялась налетов и, прислушиваясь к небу (это называлось «следите за воздухом»!), говорила: «Бунчит... бун-чит...!» Она слегка пришептывала, и у нее очень мило получалось восторженное восклицание: «Наши соколы! Наши летчики!» Про войну она говорила: «Война – это такое зло социальное!»

Подобные тревоги были беспрестанные. Однажды за день было 14 тревог, и я каждый раз должна была бежать на пост с носилками и выстаивать там до отбоя. Тревоги без налетов, без единого выстрела, неизвестно зачем. Сколько на них ушло сил! Сколько было потеряно времени – совершенно бессмысленно. Для чего это делалось? Зачем было зря трепать и изматывать людей?

Помню свое первое ночное дежурство в Петровском парке¹⁴. Вначале весь Петровский парк охранялся нашей группой, невооруженными женщинами. Потом там поставила настоящую охрану с винтовками. Меня назначили туда вдвоем с Елиз<аветой> Ив<ановной> Матусовой, из нашего санзвена. Дежурили мы с 8 час<ов> вечера до 6 час<ов> утра.

¹⁴ Петровский парк расположен на Петровском острове. Площадь современного парка 28,79 га. Зеленая зона пролегает вдоль р. Ждановки. Есть также Петровский пруд. От Ждановского моста, сквозь весь парк, проходят аллеи и пешеходные дорожки. Они огибают пруды и тянутся вдоль рек Ждановка и Малая Нева.

Дали нам свистки, навязали повязки, и мы отправились. Ходить тогда разрешалось, кажется, до 11-ти, и парк был полон гуляющими. В пруду купались. Но вот все опустело, и мы вступили в свои права. За дело мы взялись рьяно. Если шла запоздавшая женщина, мы ее пропускали. Одну женщину с ребенком сами проводили через парк. Но чуть показывался мужчина, мы поднимали неистовый свист, и ему пощады не было. Все до одного были сданы речному патрулю, находившемуся в домике у Ждановки¹⁵. Раз показалась группа в 5 чел<овек> мужчин. Мы задержали всех, но двое убежали берегом пруда, перепрыгнув через «щели», и мы за ними не погнались, чтобы не упустить остальных, но этих довели до патруля. Один был пьян и стал ругаться и ударил часового. Они были взяты всерьез и куда-то уведены под конвоем.

Дежурства во дворе были без происшествий, но тоже страшно утомляли. Ночь без сна, к утру холод, озноб. На сердце тревожно. Но тогда еще было тихо, даже поэзия была какая-то в этих ночных бдениях. И наше милое, светлое ленинградское небо, с детства знакомое, на которое я бесконечное число раз смотрела, стало вдруг какое-то таинственное, грозное.

Когда я теперь слушаю 7-ю симфонию Шостаковича¹⁶,

¹⁵ Река, протока Невской дельты; вытекает из Малой Невы, впадает в Малую Невку.

¹⁶ Первые три части симфонии № 7 («Ленинградская») написаны Д. Д. Шостаковичем в сентябре 1941 г. в блокадном Ленинграде; закончена симфония в 1941 г. в эвакуации в Куйбышеве (Самара).

мне отчего-то прежде всего вспоминается это небо. С вечера в его легкую даль быстро-быстро, один за другим поднимались шары воздушного заграждения¹⁷ и висели неподвижно до утра. На крышах дежурили пожарные. «А и Б сидели на трубе. А упало, Б пропало», – говорила моя товарка Головина, – тогда мы еще шутили.

Однажды я с ней дежурила и всю ночь рассказывала ей про японский театр Кабуки и Но. Когда я сказала, что спектакли «Но» продолжаются неделю, она, воскликнув «неделю в театре», так принялась хохотать, что заразила и меня, и мы долго не могли успокоиться. Проходивший мимо ночной патруль остановился: «Вы что, бабы, сдурели?» В этих ночных дежурствах, несмотря на их изнурительность, была для меня еще одна странно-приятная сторона. Пустая, светлая улица, ни души, я одна хожу со своей повязкой, занятая своими мыслями и в то же время делающая какое-то общее дело. То, что я имею право ходить, когда никому нельзя, прибавляло как бы гордое хозяйское чувство к моей любви к родному городу.

В первые же дни войны было велено оклеить окна бумажками. Это совершенная бессмыслица: стекла вылетают вместе с бумажками, но надо было подчиниться и потратить драгоценную муку на клейстер. Боже мой, как люди уродовали свои окна! Прямой линии не могли провести – все вкривь,

¹⁷ Аэростаты заграждения; крепились на тросы, поднимались на высоту от 2000 до 4500 метров и мешали противнику прицельно метать бомбы.

вкось. Мы с Вовочкой придумали красивый, подходящий к нашим громадным окнам готический рисунок и оклеили окна под цвет обоев каждой комнаты. Получилось так красиво, что мы даже решили оставить так и «после войны». Тогда же был издан приказ сдать радиоприемники, и мы с Сашей потащили свой ЭКЛ¹⁸. Теперь даже квитанция от него пропала.

В июле и августе в Ленинград нахлынули беженцы. У нас на Петровском стояли возы с домашним скарбом и курами, мычали коровы. Беженцев расселили по квартирам эвакуировавшихся и там, где были излишки площади.

Вовочка всё ждал «войны», «тревоженьки с пальбушечкой». Он ее дождался. В конце июля или в начале августа отправили его со школой на окопы, по Балтийской дороге, за станцию Елизаветино. Немцы уже были рядом. Они их обстреливали с истребителей. Володя видел их машины над головой. Детей почти не кормили. Ночевали <они> в лесу на болоте. Ничего не было организовано. Когда через неделю спохватились везти их обратно, то оказалось, что по Балтийской дороге уже проехать нельзя. Их повезли по ветке на Варшавскую к ст<анции> Толмачево – Преображенская, и

¹⁸ По решению Правительства СССР радиоприемники были на время войны сданы на хранение государству с целью лишения противника возможности вести свою радиопропаганду и пытаться таким образом сеять панику среди населения. Ламповые приемники (ЭКЛ – сетевой ламповый приемник) использовать в блокадном городе было практически и невозможно (электричество в жилые дома подавалось с перебоями, жестко экономилось).

он проехал мимо нашей Карташевки¹⁹ и посмотрел на нее из окна последний раз в жизни. Вернулся домой еле живой от усталости и такой голодный, что съел всё, что у меня нашлось в доме. Ожидая его со дня на день, я приберегла для него что могла вкусенького. Тогда с едой уже было трудно.

Второй раз он видел германский самолет вместе с отцом на Большом проспекте <Петроградской стороны>. Самолет несся прямо над домом, стреляя в хвост летевшему впереди. Тревоги не было. Публика высыпала на середину улицы, с любопытством следя за боем. Но они <самолеты> скрылись за домами.

28 июля были Вовочкины именины. Я спекла из остатков муки блинчатый пирог с какой-то начинкой и еще что-то приготовила ему вкусенькое. Это были предпоследние его именины в Ленинграде и последний именинный пирог в его жизни. Приблизительно в это же время – нет, уже в августе – я повезла его в Рентгеновский институт²⁰ лечить зубы, и там, на углу ул. Рентгена и Каменноостровского, мы в первый раз прочли плакат: «Враг у ворот Ленинграда!»

¹⁹ Пос. Карташевская (Гатчинский район Ленинградской обл.), где в бывшем дачном доме генерал-майора А. П. Скородинского на Красной ул. располагался Дом Литературного фонда Союза писателей. Летом в коммунальных квартирах Дома (позднее разделены на 8 отдельных квартир) работали и отдыхали писатели и члены их семей.

²⁰ Государственный рентгенологический и радиологический институт (ул. Рентгена, д. 8) в 1941 г. был эвакуирован в Самарканд, где находился до 1944 г.; во время блокады Ленинграда в помещениях института размещался эвакогоспиталь № 264.

15 августа были открыты коммерческие магазины. Я ужасалась ценам и почти ничего не покупала. Свиная котлетка стоила 5 рублей, кило пельменей – 20.

На том же Большом <проспекте> у коммерческого магазина встретила я раз Леонида Савельевича Липавского²¹ с Тамарой²². Он был взят во флот и в тот день уезжал в Петергоф. Мы вошли в сквер на углу, посидели, поговорили. Он дал строгий наказ: в случае, если немцы ворвутся в Ленинград, в первые дни ни в коем случае не находиться в своем жакте. Простились. Он скоро пропал без вести, и нет его и сейчас, а Тамара погибает в Ленинграде.

Съездили мы с Вовочкой в Новодевичий²³, проведать де-

²¹ Липавский Леонид Савельевич (1904–1941) – писатель, поэт, философ. В 1920–1930-х гг. один из организаторов литературных групп «Чинари» и ОБЭРИУ. С первых месяцев Великой Отечественной войны корреспондент редакции газеты «Сталинская вахта» политотдела ПВО Балтийского флота, интендант 3-го ранга. Пропал без вести на Ленинградском фронте при отходе из Нового Петергофа.

²² Липавская (Мейер) Тамара Александровна (1903–1982) – жена Л. С. Липавского. Училась на факультете общественных наук Петроградского университета, но была отчислена; работала санитаркой в больнице, одновременно доучивалась в 1-м Институте иностранных языков. Вместе с мужем жила на Гатчинской ул., д. 8, где часто собирались обэриуты. Во время блокады работала диспетчером Скорой помощи. В 1943 г. награждена медалью «За оборону Ленинграда». После войны преподавала английский язык в Ленинградском электротехническом институте. Занималась подготовкой к изданию творческого наследия Александра Введенского и Даниила Хармса (совместно с Я. С. Друскиным). Скончалась и похоронена в Ленинграде.

²³ Кладбище Новодевичьего монастыря на Московском пр., юге Ленинграда.

душкину могилу. Всё кладбище было разрыто под окопы, торчали углы гробов. Насилу пробрались к своим могилам. Там было тихо и пока цело. Сели на скамеечку за густым кустом, разговариваем. Вдруг куст раздвинулся, и прямо на нас «снайпер» с винтовкой. Я так была взбешена этим явным подслушиванием, что тут же пропела ему в спину на мотив «Чижика»: «Снайпер, снайпер, где ты был? – На могиле кости рыл». Потом мы встретили на дорожке милиционера, и я с негодованием сказала ему: «Какое безобразие рыть на кладбище окопы!» Он смутился и ответил: «Это не милиция, это райсовет».

Между тем жизнь на дворе шла своим чередом. Продолжались дежурства, но стало легче, потому что мобилизовали всех: и служащих, и рабочих, и стариков. Дежурил и Вовочка. В жакте сидела старуха Слитенко, которой очень хотелось отправить его на окопы и от жакта, кроме школы. Но нам удалось его <сына> отстоять. Ночи стали темные. Молодежь выдумала себе развлечение. Они нашли в парке громадный гнилой пень, наломали яркосветящихся гнилушек, прикрепили к голове в виде рогов, каким-то образом засовывали гнилушки в глаза, брали в рот и в виде светящихся дьяволов с криком выскакивали из темноты на прохожих и пугали баб до полусмерти.

Одной такой бабе показали гнилушку, она посмотрела и сказала: «Надо же! Какое достижение!» Эта же бабка, когда немцы были уже под Ленинградом, все твердила: «Наша гра-

ница на замке!»

Главным героем гнилушек и блюстителем затемнения был мальчик Аркаша. Он забавлял весь двор своими подвигами. Затемнение соблюдалось строго. Со двора кричали: «У вас просвещает!» и надо было завесить малейшую щель. Аркаша поступал проще: не говоря худого слова, он кидал в окна камушки и песок, после чего свет мгновенно гас. А Аркаша возвращался и докладывал: «Уничтожил огненную точку противника». Он раньше жил где-то в Оренбурге и рассказывал про одного калмыка, который собрал на Женский день баб и сказал им: «Были вы закобыленные, мы вас раскобылили». Для калмыка вполне понятен такой лошадиный угол зрения!

В эти августовские дни голод понемногу давал себя знать. Не голод, а трудности с пищей, но мы не знали, к чему идем, и сохраняли веселость. Я видела два сна, которые тогда же рассказала своим, и мы хохотали до упаду. Один сон, будто я с Тamarой Барыковой гуляю по Москве по «площади Негодования». Он сбылся, этот сон... Сбылся и другой, насмешивший нас тогда: будто в Ленинграде настал такой голод, что начали есть собак и кошек и им было опасно показываться на улицах. Наконец, дошло до того, что принялись есть людей со съедобными фамилиями. Так раз, с дуру, выскочила по тревоге наша соседка Надя Лещева – и ее тут же съели. Вообще стали есть не только самые вещи, но и их названия: если в книге попадалось слово «говядина» – это ме-

сто выедали.

В городе понемногу воцарилось тревожное настроение. Эвакуировались заводы, учреждения. Повально бежали евреи²⁴. Когда уезжали жившие под нами евреи, которых не любил весь двор, то собравшиеся мальчишки провожали их насмешками и улюлюканьем. Еврейка крикнула: «Погодите, вернемся, мы вам покажем!» Эвакуировали детей целыми поездами, в спешке, не соображая куда. Несколько поездов отправили прямо навстречу немцам, немцы их обстреляли, множество детей погибло, часть кое-как вернулась обратно²⁵.

Немцы приближались с неслыханной быстротой. Мы беспокоились о наших хозяевах на Карташевке, хотели к ним съездить, но без специального пропуска не пускали, и когда 18-го августа я позвонила на службу Ми<хаилу> Ив<анови>чу²⁶, то оказалось, что он уже несколько дней не приезжал. Карташевка была занята <немцами>, и больше мы их не видели²⁷. А 19-го августа немцы первый раз обстреляли

²⁴ Проявления антисемитизма в начале блокады Ленинграда наблюдались, но они не носили массовый характер, а к концу осады города на повестке антисемитизм не стоял вовсе (См.: *Ломагин Н. А. Неизвестная блокада: В 2 т. СПб.: Нева, 2004*).

²⁵ Подобные случаи имели место в начале июля, а не в августе 1941 г.

²⁶ Слонимские с 1935 г. летом жили в Кобрине (Елизаветинская ул., д. 3) в доме Витковского Михаила Ивановича (источник: Письмо А. Л. Слонимского к А. Н. Лбовскому. РНБ. Ф. 423. Ед. хр. 795. Л. 11).

²⁷ Поселок был занят оккупантами в августе 1941 г., освобожден – 29 января 1944 г.

Ленинград.²⁸ Снаряд попал в жилой дом где-то у Николаевского вокзала, на Лиговке. Мои товарки из санзвена ездили смотреть и возвратились в ужасе.

В начале сентября стало очень трудно с пищей. Норм не снижали²⁹, но рынки были пусты, коммерческие магазины закрылись. Мы решили съездить за город и купить картошки у крестьян. Проехать можно было только в одном направлении – на север. Собрались мы ранним утром и отправились втроем: Володя, я и Елиз<авета> Ив<ановна> Матусова из санзвена. Доехали на трамвае до 3-го Парголова, миновали аэродром и пошли пешком за 9 верст в финскую деревню Ворожки (так в рукописи. – Т. А.) – в сторону Юкков, Северной Швейцарии³⁰. Дорога сжатыми полями, через горы – последний раз мы видели приволье и было тепло, солнечно и ни души кругом.

²⁸ За июль и август 1941 г. на Ленинград было совершено 17 групповых авианалетов противника. Первый артиллерийский снаряд упал на город 4 сентября, 8 сентября 1941 г. город подвергся первому двойному авианалету, фашисты разбили Бадаевские склады, уничтожив 3 тыс. тонн муки. Во время второго налета повреждение получили Московский вокзал (до 1924 г. – Николаевский) и главная водонапорная станция города.

²⁹ Нормы хлеба: с 16 июля 1941 г. – 800 г (рабочие и ИТР), 600 г (служащие), 400 г (иждивенцы); с 2 сентября 1941 г. – 600 г (рабочие и ИТР), 400 г (служащие), 300 г (иждивенцы); с 11 сентября 1941 г. – 500 г (рабочие и ИТР), 300 г (служащие), 250 г (иждивенцы).

³⁰ Юкки – поселение на севере Ленинградской области; в начале XX века бо́льшую часть населения составляли ингерманландские финны. За живописность место называли Северной Швейцарией или Русской Швейцарией.

До деревни дошли благополучно, купили картошки, сколько могли унести, и двинулись в обратный путь. И вот, когда мы, усталые, уже приближались к Ленинграду, вдруг загудела тревога, и мы сразу же увидели над головой цепь коричневых машин. И поле вокруг нас, это мирное поле, на котором ничего не было видно, кроме редкого кустарника, вдруг все загрохотало зенитками. Елиз<авета> Ив<ановна> так перепугалась, что бросилась со своей картошкой ничком в какую-то ложбинку и нас заставила лечь, и мы послушались, хотя ничего нельзя было сделать глупее. Немцы вереницей летели к аэродрому. Первый спикировал, точно клюнул, за ним второй, и так все по очереди, затем сделали круг, опять пролетели над нашими головами и еще раз направились к аэродрому. Снова спикировали и полетели прочь. Они летели так низко, что, когда по дороге им попадалась возвышенность, они должны были приподниматься.

Вовочка и Елиз<авета> Ива<ановна> видели легчиков. Когда они улетели, над аэродромом поднялся столб огня и дыма. Немцы сбросили массу листовок, напечатанных на старой орфографии. Помню последнюю фразу: «Мир замученной родине!»

На обратном пути мы с Володиком увидели капустное поле со снятыми кочанами, но все покрытое отброшенными грубыми листьями. Решили завтра же приехать обратно. И мы съездили и набили полные мешки, но листьев было очень мало и все очень плохие, а народу полное поле. Однако эта

капуста – «хряпа» – очень поддержала нас. Я ее тушила в печке и жарила из нее котлеты, и мы питались ею довольно долго.

С едой уже было очень плохо. Суп варился ежедневно один и тот же, из чечевицы, которым кормили и кота, милого Фомушку, но он не мог его есть. На второе немножко ячневой каши, которую я растягивала елико возможно. Прикрепления к определенному магазину не было, надо было искать продукты по всему городу <по карточкам за деньги, у кого они были>. Вместо яиц стали выдавать <по карточкам> так называемый меланж (яичный порошок с мукой), и я за ним бегала из магазина в магазин, выстаивая в диких очередях. Помню, как раз на Большом удалось мне получить <купить> вместо мяса студень, который выдавали в четвертном количестве. Все караулили появление мясного фургона у какого-то переулочка и, когда машина показалась, опроретью бросились к магазину, чтобы занять очередь. Так как я бегала очень быстро, то прибежала одна из первых и получила громадную порцию студня на все наши карточки. Но очень многим не досталось ничего. Этот студень долгое время спасал нас от голода. Я его распускала, разбавляла водой, переваривала, и мы ели его с уксусом. К нему добавлялись макароны, по пяти кусочков на человека.

Тогда же удалось получить сироп на сахарине, из него я варила кисель. Раза два наша соседка, Анна Михайловна Гужеева, которая служила в столовой, доставала нам настояще-

го сахарного сиропа – с ним мы пили чай. Я постаралась взять себя в руки и от своей порции хлеба ежедневно отрезала сколько могла больше и сушила на черный день. Эти кусочки пригодились потом моему мальчику, когда начались его терзания на Всевобуче³¹: как он ни спорил, мне все же удалось заставить его брать их с собой на дежурства, и они немного его поддержали. К нам еще продолжали ходить гости, и я всегда старалась чем-нибудь угостить. Саша сердился на меня, но эта ничтожная жертва с моей стороны снискала мне потом от людей, которых я очень уважаю, такую горячую любовь и благодарную память, каких я вовсе даже и не стою. Но в то время у большинства уже искажилась психика, и мой поступок казался необыкновенным.

Помню и смешной один эпизод в очереди за яйцами. Какой-то мужчина подал мне свою карточку, ему вырезали яичный талон, он пошел платить, и, когда вернулся с чеком, бабы его не пустили и стали гнать прочь. Он в отчаянии воскликнул: «Как я пойду, когда у меня яйца отрезали!» Тут бабы грохнули хохотом, расступились и дали ему взять его

³¹ Всевобуч (всеобщее военное обучение) – после начала Великой Отечественной войны Государственный комитет обороны СССР издал приказ «Всеобщая воинская подготовка граждан СССР» (17 сентября 1941 г.), вступивший в силу 1 октября того же года. Он предусматривал обязательную 110-часовую военную подготовку мужчин от 16 до 50 лет без отрыва от работы. В структуре Народного комиссариата обороны было создано Главное управление всеобщего военного обучения (ГУВВО); при республиканских, краевых и областных военкоматах были созданы отделы Всевобуча, на местном уровне при городских и районных военкоматах находились 2–3 инструктора.

яйца.

Я вела тогда краткие записи под названием «Летопись голода». Приведу их целиком здесь, хотя своим концом они захватывают время значительно позднейшее.

ЛЕТОПИСЬ ГОЛОДА

Карточки выдали в июле. Норма нам – 1800 г хлеба на троих. Продукты исчезают на глазах.

Открыты коммерческие магазины, цены: масло – 50 р. кг, пельмени – 20 р. кг, мясо – 25 р. кг, сахар, кажется, 15 р. кг, одна маленькая свиная котлетка – 5 р. 60 к. и т. п. С 1 сентября коммерческие магазины закрыты. Норма хлеба нам на август 1200, затем кило, затем по 200 г. С ноября, числа с 10-го – по 125 г, мяса на троих на декаду 600 г, жиру – 450, крупы (сначала крупу заменили соевыми бобами, потом черными макаронами, потом маисовой мукой или картофельной) – 500 г, шоколаду 3 плитки, чаю 37,5 г. Делаю лепешки на кофейной гуще по воскресеньям.

Последняя декада ноября: Вова с трудом встает с постели³²: когда возвращается из школы или «Всезамуча» – сам не может раздеться, мы его раздеваем. На днях решила пойти к одной сытой бабе (Закатовой) – муж ворует на заводе – и попросить у нее протекцию к какому-нибудь рабочему с

³² Последнее критическое понижение норм хлеба в Ленинграде – с 20 ноября 1941 г.: 250 г (рабочие и ИТР), 125 г (служащие), 125 г (иждивенцы и дети).

«Бавариш»³³, который согласился бы обменять квасную или пивную гуцу (из нее делают лепешки) на вино или табак, или чтоб она сама обменяла – у нее этого добра пропасть. Она ответила: «Нет, нет, ничего нет, теперь каждому до себя». Высунулся муж (жирная скотина) и добавил: «И вам, товарищ Слонимская, даже неприлично говорить об обмене».

Я ответила: «Знаете, товарищ Закатов, по-моему, неприлично четыре миллиона народу морить голодом³⁴, а что мать ищет пропитания для своего сына – в этом неприлично ничего нет. И поверьте, если б не крайность, я бы не переступила вашего порога».

Слово «неприлично» он произнес так, что за этим слышалось – «а будешь настаивать, так я тебя спроважу куда следует, до НКВД недалеко». Всякий «обмен», всякий «запас» теперь рассматривается как преступление³⁵. После этого я пошла к другой, тоже простой женщине, Мане Алишиной (имени ее никогда не забуду!), рассказала ей, что у меня дома, и она, ни слова не говоря (я у нее ничего не просила), вынесла мне свиных костей, кусочек конины и кулек отрубей, я разрыдалась. Сейчас люди едят собак и кошек (и себе подобных, было зарегистрировано два случая). Я надеюсь получить несколько кошачьих тушек. Хлопочу о дуранде. Вове очень плохо; он слабее нас обоих.

³³ Пивоваренный завод «Бавария» (Петровский пр., д. 9).

³⁴ К 1 января 1941 г. в Ленинграде проживало чуть менее 3 000 000 человек.

³⁵ Пользоваться услугами «черного рынка».

27/XI. Плут Пирожков («нач<альник> группы самозащиты» – мой начальник!) – надул с дурандой. Хорошо, что у нас в задаток успел выманить только немного табаку. Буду искать к дуранде другие ходы. За эту декаду не удалось (не хватило на нас пока) получить жиру (450) и мяса (400 г). Вместо крупы 500 г – дали 125 г яичного порошку. Завтра в 6 ч<асов> утра стану в очередь. Очень трудно получить, потому что во время тревог очередь выгоняют из магазина и потом надо опять все сначала. Доели последний суп из свиных костей, данных Маней. На второе ели (так уже несколько раз) по 5 макаронин с поджаренными конскими жилками и с уксусом.

Сегодня хотела прийти Лидия Ефимовна и, может быть, принесла бы кошку из универсальной³⁶ лаборатории: но тревога длилась с 12 утра до 7 веч<ера>, и она не пришла. Саша ушел под бомбами и артобстрелом читать лекцию³⁷ и, что хуже всего, рискуя попасть в лапы милиции. Тогда худо: штраф 25 руб. и многое, многое... Но это... «особ<ая> статья». Сейчас ушел и Вова на круглосуточное дежурство до 8 веч<ера> завтра. Ах, как я мечтала, что сегодня зажарю кошку и завтра ему после дежурства будет сюрприз. Сидим без света. Хорошо еще, дрова есть. А большинство мерзнет или покупает на рынке охапочками за бешеные деньги. Сего-

³⁶ Так в рукописи. Вероятно, следует читать: университетской.

³⁷ В Ленинградском театральном институте им. А. Н. Островского.

дня Комаровичу³⁸ удалось через знакомых купить 400 г хлеба за сто рублей³⁹. Сошел с ума на почве голода и бомбежек Голлербах⁴⁰. Отдан на поруки жене. Помешался он на том, что будто бы немцы бомбят из-за него, что поэтому товарищи его чуждаются. И вот, сидя в Союзе писателей на ступеньках, он всех останавливает и уверяет, что он ни при чем.

28/XI. В очереди с 6 утра. Не достала ничего – даже хлеба. Если тревога кончится до 7 утра (началась опять в 12, и всех разогнала милиция) – то попытаюсь еще раз.

Получила горчичного масла.

³⁸ Комарович Василий Леонидович (1894–1942) – литературовед. С 1923 г. работал в отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома. Преподавал в Петроградском университете, в Институте истории искусств. Автор книг, статей о древнерусских летописях, творчестве А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского. 21 февраля 1928 г. был арестован по делу Космической академии наук и «Братства преп. Серафима Саровского», приговорен к 3 годам ссылки. В связи с «психическим заболеванием» ссылка была заменена на 3 года лишения права проживания в Москве и Ленинграде; жил у родителей в Нижнем Новгороде. После возвращения в Ленинград – сотрудник издательства «Советская энциклопедия». Свои последние дни провел в стационаре, куда его устроила И. Н. Медведева-Томашевская. Скончался от сильного истощения. Место захоронения неизвестно.

³⁹ По государственным расценкам в период Великой Отечественной войны цена килограммовой буханки черного хлеба составляла 1 рубль.

⁴⁰ Голлербах Эрих Федорович (1895 – 4 марта 1942) – историк искусства, критик, библиофил. Во время Великой Отечественной войны пережил первую блокадную зиму в Ленинграде. В марте 1942 г. был эвакуирован вместе с женой в Вологду. Во время перехода по Дороге жизни Ладожского озера машина с эвакуированными пошла под лед, ему удалось выбраться из полыньи, жена спастись не успела. Скончался в Вологде. Могила не сохранилась.

29/XI. В очереди вдвоем с Вовой. Не получили ничего.

30/XI. Вова с 5 утра до 6 веч<ера> в очереди. Не получил ничего. Ездил в Союз писателей за карточками. Завтра прикрепление.

1–2 дек<абря>. Пытка прикрепления через Союз писателей к лавке на Михайловской <улице>.

Походы за обедом с Петровского на Шпалерную в Союз, туда и обратно пешком⁴¹. Дали вместо сладкого 350 г чудного повидла – торжество.

3 дек<абря>. Насилу получила прикрепление карточек и обед. Сверх обеда да 1600 козьей брынзы. Это вроде мыла, но я счастлива. Попытаюсь переделать и будем есть. В писательском клубе у меня украли книгу, у Вовочки кожаные рукавицы, у Саши кошелек. Крадут всё: талоны от карточек, чемоданы, спички.

9 де<кабря>. Писание было прервано приходом Тамары Барыковой и вслед за этим падением бомбы замедленного действия в 4 метрах от стены нашего дома со стороны Сашиного кабинета.

На этом кончается «Летопись голода» – в декабре мне уже было не до писания.

Возвращаюсь к постепенному рассказу.

⁴¹ Ленинградский союз писателей с 1934 г. располагался в Доме писателей им. В. В. Маяковского (в бывшем особняке графа А. Д. Шереметева) на ул. Воинова (Шпалерная), д. 18.

Однажды в жакте было собрание. Квартальный⁴² Чекунов разбирает и показывает нам устройство нагана. Сидели за полночь. Потом все разошлись, я осталась одна со своими мыслями, мне очень взгрустнулось и захотелось излить доброму другу накопившийся на сердце мрак и тревогу. Телефон⁴³ в это дежурство звонил редко, и я написала письмо Алеше Бонди⁴⁴. В ответ пришла фототелеграмма:

Лидочка, милая! Прошу Вас и Сашу не сердиться на меня и не забывать меня. Я только что приехал с фронта в Москву. Спасибо Вам за все хорошее, что я от Вас получил. Целую Вас, Сашу и Вову. Алеша.

В начале сентября упала бомба на углу Малой Морской и Кирпичного и вырвала угол четырехэтажного дома. Проезжая мимо в трамвае⁴⁵ по Невскому, я первый раз увидела

⁴² Милиционер.

⁴³ В блокадном городе личные телефоны были отключены, они оставались у отдельных граждан по спец. разрешению, а также в жилконторах.

⁴⁴ Бонди Алексей Михайлович (1892–1952) – актер, драматург; заслуженный артист РСФСР. С 1918 г. выступал на профессиональной сцене. Служил в театрах Ленинграда и Москвы, снимался в кино («Возвращение Максима», «Мужество», «Человек в футляре» и др.), писал пьесы («Лев Гурыч Синичкин», «Обыкновенный концерт», переименованный в «Необыкновенный концерт»), главная пьеса Театра кукол С. В. Образцова). Во время Великой Отечественной войны служил в Театре сатиры, гастролировал с театром по стране. Скончался в Москве, похоронен на Введенском кладбище.

⁴⁵ 8 декабря 1941 г. трамвайное и троллейбусное движение в Ленинграде было

потом приглядевшуюся картину: разрез дома – этаж за этажом, обои, на стенах картины – остаток чьего-то уюта.

Очень тяжелое впечатление произвело падение пачки бомб на углу Зелениной и Геслеровского⁴⁶. Тут было ремесленное училище, оно было разрушено совершенно, и все дети убиты. Убиты прохожие и двое постовых милиционеров, а третью, милиционершу, воздушной волной перенесло через сквер, на другой конец. А в доме № 14 по Зелениной, угловом, где когда-то жила семья моего мужа, вырван весь угол, т. е. вся их бывшая 7-ком-натная квартира, от стены до стены. Саша был очень расстроен и счел это за дурное предзнаменование. Он был прав... Сила разрыва была такова, что у нас, на Петровском (по линии минимум километр), приоткрывались двери и дверцы шкафов. Эти бомбы упали, когда еще не отгудела тревога и я сбегала с лестницы на пост. Навстречу мне шла Мария Влад<имировна> Чебышева, и нас набросило друг на друга.

Приблизительно в это же время упала бомба в Зоосад и убила любимую всем городом слониху⁴⁷. Часть животных успели, кажется, раньше вывезти, оставшиеся погибли с голоду, частью были съедены.

остановлено из-за ограничения лимита потребления электроэнергии, восстановлено 15 апреля 1942 г.

⁴⁶ 10 сентября 1941 г. (Геслеровский – ныне Чкаловский пр.).

⁴⁷ Ленинградский зоосад начал эвакуировать своих животных в Казань еще в июле 1941 г. В основном это были копытные и крупные хищники. 8 сентября 1941 г. от фугасной бомбы погибла 50-летняя слониха Бетти.

Помню первые снаряды у нас на Петровском. Я сидела у окна своей спальни и работала, слышала свист над головой и разрывы, но не двинулась с места. Я была одна. Вдруг вбегают взволнованный Саша и кричит: «Ты с ума сошла, иди в подвал, обстреливают наш угол». Но я, конечно, не пошла. Потом узнали, что в тот трамвай, из которого он только что вышел, попал снаряд. Многих ранило. На углу стояла женщина с ребенком на руках, хотела пробежать к себе домой, ее удерживали, но она отвечала: «Тут два шага» – и побежала. Она действительно пробежала два шага. Ей оторвало голову. На далеком расстоянии нашли на дороге кусочек детского одеяла и клочок ее волос. Ей зашили воротник на месте оторванной головы и увезли.

К обстрелам я всегда относилась спокойнее, чем к бомбежкам. Смерть, летящая с неба, страшней. У нас острили: «Это дело вкуса – кто что больше любит». Так вот, я больше любила обстрелы.

Все бабы на дворе были помешаны на ловле шпионов. Доходили в этом до абсурда. Особенно свирепствовали одна чухонка, Тоня Вигелиус. Однажды, не разглядев, остановила своего собственного знакомого. Потом сама с хохотом рассказывала: «Идет высокий мужчина, а за *ней*...» и т. д. Эта Тоня Вигелиус, коммунистка, рассказывала, как она раз испугалась бомбежки: «Уж я, грешным делом, перекрестилась и говорю: помоги, Господи! И знаешь, *она* мне помогла!»⁴⁸

⁴⁸ Отсутствие категории рода; в финском языке местоимение *hän* обозначает

Однажды во время тревоги с сильной бомбежкой из квартиры Назаровых вышел их знакомый и стал в подъезде (в назаровском же подъезде), где дежурило наше звено и собралось много постороннего народа в ожидании, когда кончится тревога и можно будет идти. Он почему-то несколько раз открыл и закрыл бывший с ним маленький чемоданчик. Этого было достаточно, чтобы его приняли за шпиона. Ко мне подошли взволнованные Пегова и Стец и зашептали, что его надо остановить и пойти за милицией. Я отказалась. К счастью, мадам Назарова догадалась спуститься и вызволила его из беды.

В это время у нас был очень хороший квартальный Чекунов. Он был честный и доброжелательный человек. Работал не покладая рук и всегда был в самых опасных местах своего участка. Иногда он собирал в жакте женщин и читал им газеты, хотя плохо понимал содержание. Например: «Создатель легенда о непобедимости фашизма...» Так он проносил и, не смущаясь, читал дальше. Я прощала ему эту безграмотность за серьезное и честное отношение к делу. У нас на Петровском было несколько заводов: «Бавария», Лесопильный, «Красный Парус», «Канат», Завод № 5 НКВД, ЭПРОН, Судоверфь, Нефтяной (бывший <В.> Ропса), и все они входили в его участок. Немцы очень сильно бомбили и обстреливали наш остров. Во время одного обхода Чеку-

нова разорвало снарядом⁴⁹.

У Вовочки был хорошенький электрический фонарик, а у Чекунова фонаря не было (квартирного не могли снабдить фонарем!), и он попросил одолжить ему этот фонарик на время. Фонарик погиб вместе с ним.

На заводе № 5 работала жившая под нами девочка, Лиза Сокольская. Однажды, когда она и четыре других дежурили в проходной конторы и грелись у топившейся печки, рядом разорвалась бомба. Трое были убиты. Лизе переломало ребра и повредило позвоночник упавшей на нее, но, к счастью, погасшей печкой. Она несколько недель пролежала привязанной к доске.

Громадной силы бомба упала очень близко от нас, на набережной Ждановки (они метили в Авиационную школу, где был раньше второй корпус, папин корпус). Большой кусок набережной с деревьями сполз в речку. Образовавшийся спуск и за ним подъем навсегда остались мне памятны по моим зимним путешествиям с нагруженными санками из нашей разбомбленной квартиры к маме на Дворцовую площадь.

В этот год в Ленинграде стояла дивная осень, ясная, сухая, без единого дождя, и первый снег, небольшой, выпал только в конце ноября. В лунные ночи город у немцев был как на ладони. Еще ярче, еще четче, чем днем, выделялись здания

⁴⁹ Чекунов Федор Петрович (1914 – апрель 1942) – проживал на Петровском пр., д. 2. Место захоронения – Пискаревское кладбище.

и ложившиеся от них черные тени. Наша жизнь по вечерам, из-за затемнения, сосредотачивалась в передней. Передняя была большая, на мраморном столе мы ужинали (иногда наша молочница Матрена еще приносила нам молоко), здесь читали, сюда заходила наша соседка Анна Мих<айловна> со свежими новостями. Здесь был чемодан с «неприкосновенным запасом», здесь стояли три аварийных чемодана с самым главным на случай беды.

Обеды мы носили со Шпалерной из Союза писателей. Иногда там заставляла бомбежка, приходилось сидеть в раздевальне, превращенной в бомбоубежище, потому что на улицу не выпускали. Какое это было мучение, как я волновалась и рвалась домой! Трамваи ходили очень плохо, и весь путь мы проделывали пешком. Помню эти хождения с Комаровичем, который тогда еще быстро двигался, стуча по тротуару палкой, разговоры с ним, его советы за любые деньги покупать хлеб. В Союзе меня тоже хотели привлечь к дежурствам и шитью. Я бы взяла шитье, если бы распорядившись всем неожиданно выдвинувшаяся «писательница» Ек<атерина> Макарова⁵⁰ не обратилась ко мне в дерзко-нахальном тоне. Я так же резко отказала. Тогда она побежала с доносом на меня к председателю группкома Дм<итрию> Цензору⁵¹, но он попросту прогнал ее прочь. Теперь эта Макарова

⁵⁰ Макарова Екатерина Михайловна (1900–?) – писательница. Председатель организационного бюро Ленинградского горкома (месткома) Союза писателей.

⁵¹ Цензор Дмитрий Михайлович (1877–1947) – поэт, прозаик. Перед войной

арестована за свои «подвиги» во время блокады.

Самые страшные месяцы по количеству и силе налетов были сентябрь, октябрь и ноябрь. В конце сентября горели американские горы Народного дома⁵². Около них стояли замаскированные цистерны с горючим. Боже мой, что это был за пожар! Огонь был так ярок, что казалось, что горит сразу за нашим парком, и вместе с тем, если смотреть с Петровского, то казалось, что пылает в направлении Дворцовой площади. Пока не выяснилось, что горят американские горки, я думала, что горит где-то около мамы <у Дворцовой>, и умирала от беспокойства.

Еще страшнее было, когда горели продовольственные склады Бадаева. Это было в ночь с 8 на 9 сентября, и этим пожаром решила участь миллионов людей: сгорело все продовольствие, и Ленинград был обречен на голодную смерть⁵³. Склады Бадаева в километрах 10 от Петровского

стал секретарем партийной организации Ленинградского союза писателей. Скончался в Москве, похоронен в Ленинграде на Литераторских мостках Волковского кладбища.

⁵² Аттракцион в саду при Народном доме (Александровский парк на Петроградской стороне); внутри деревянного сооружения были размещены склады с запасами горючего и продовольствия.

⁵³ Располагались на территории нынешнего Московского района города. 8 сентября 1941 г. во время первого массированного налета на город авиации подожжены зажигательными бомбами. Пожар продолжался 5 часов. Сгорело 41 строение и большой запас продовольствия. Версия о том, что пожар на Бадаевских складах был одной из главных причин голода 1941–1942 гг., не соответствует действительности. В дальнейшем оставшиеся в Ленинграде запасы продовольствия для сохранения их от обстрелов и бомбежек были распределены по всему

острова, но у нас можно было читать при свете зарева – пылало все небо. Я умоляла Вовочку идти домой, но его нельзя было оторвать от верхнего окна на лестнице. Как сейчас помню его черный силуэт на фоне красного неба. Он с Колей Литвиновым во время бомбежки выходил на крышу следить за зажигательными бомбами. Наши дома были деревянные и сгорели бы в пять минут. Зажигалки так и сыпались, так и вспыхивали кругом. Загорелся ослепительно-белый свет, как от вспышки магния, потом начинал мигать, потом постепенно гас и сменялся красным светом зарева. Но не боялась я этих зажигалок, а боялась, что мой мальчик на чердаке, на крыше. Но другого выхода не было. Опасность была серьезная, а других, годных к этому делу мужчин, кроме Коли и моего мальчика, во всем доме не было.

Ночные бомбежки были очень страшны. Я продолжала дежурить с санзвеном и все тревоги проводила на пункте, в угловом подъезде. Кругом не было ни одного бомбоубежища, и из ближних домов по Петровскому все сбегались в этот подъезд. До второго этажа лестница была забита женщинами, стариками и детьми. Плач, причитания, молитвы, покрывавшиеся воем бомб, взрывами, грохотом зениток, которыми был заставлен весь берег Петровского острова по Неве.

В начале войны их везли туда, и они вереницей сворачивали с нашего проспекта в переулочек – длинные, неуклюжие. Я тогда даже не понимала, что это такое, и всё казалось,

что это не всерьез.

Вовочкина школа закрылась в ноябре, и им целиком завладел Всевобуч – «Всезамуч», как его все называли. Он помещался на Геслеровском, недалеко от «Печатного Двора». И вот однажды, когда мальчик был там на дежурстве, началась страшная бомбежка. «Печатный Двор» разбомбили, и вспыхнул грандиозный пожар. Когда я выбежала во двор и увидела пылающее зарево в той стороне, где, я знаю, находился мой сын, я обезумела от тревоги и отчаяния. Бежать туда было нельзя, потому что по улицам не пускали и мы все равно могли разминуться, и еще потому, что нельзя было разлучаться с отцом. Двое должны были быть вместе и ждать одного – его дежурство кончалось и у него был пропуск. В это время бабы с Тонькой Вигелиус затеяли ловлю «шпиона», и к пожару, вою бомб и грохоту зениток прибавились крики, какая-то погоня при свете зарева, какая-то стрельба. Это был сущий ад. Но прошло время, и кончился этот ужас, как кончались и многие другие, – и показалась его родная фигурка! Личико серьезное, усталое, голодное, но цел, цел! Действительно, он подвергался смертельной опасности. Рядом пылал «Печатный Двор», а двор их Всевобуча был весь закидан зажигалками. В растерянности, выбегая из здания, они, вместо того чтобы толкать дверь от себя, стали тянуть ее на себя, пока кто-то не опомнился и не вышиб ее кулаком. Потушили зажигалки и бросились по домам. Пока он с двумя товарищами бежал по Геслеровскому, то и дело свисте-

ли и где-то рядом разрывались бомбы. Мальчики ложились наземь, ждали, когда утихнет, и бежали дальше. Вот что он перенес тогда, но спокойно, без нервов.

30 октября 1941 года посетило нас первое горе, первая жертва нашей семьи: умер кот Фомушка, отлетел добрый геній нашего дома. Он умер в четверг, в 8 ч. 20 мин. вечера, прожив у нас 12 лет и 5 месяцев. Выписываю целиком свою тогдашнюю запись:

Последние два месяца своей жизни голодал... Умер от внезапного паралича, очевидно, нервная система не получала питания. Страшно исхудал. Правый глазок стал плохо видеть. Утром в тот день я была с ним на кухне и говорю ему: «Пойдем домой, Фомушка!» Он направился к двери, но, не видя с правой стороны, больно ударился виском о косяк». (Я как сейчас слышу этот стук!) В этот день он ничего не ел. В 5 часов начались судороги, и он упал с Вовочкиной кровати – при Вовочке. Саша вернулся в 6 часов – мальчик встретил его, сдерживая рыдания: «Фомушка умирает!» На Сашин голос он поднял голову. Я пришла через четверть часа. Он несколько раз пытался поднять головку на мои ласки и плач – и не мог. На задние лапы и к животу поставили грелку – он уже ничего не чувствовал. Несколько раз громко, как человек, простонал, сердечко еще билось, потом закинул голову, вытянул лапки – и все было кончено. Принесенные ему из столовой макароны с сыром съела приبلудная кош-

ка Синька и ее котенок Тилибавликан. Фомушку уложила в картонку на блузку свою и вышитое полотенце – всё своего шитья. Обложила зеленью от домашних цветов – у головки цветков примулы. Сейчас он лежит на моей кровати около подушки, где любил. Глазок ясный, как живой, открыт и выражение такое, как бывало, когда кот доволен и сейчас полижет мне лоб. Могилка сухая, хорошо вырыта в подвале под окном. Рыл ее мальчик, я не сумела... Хоронить буду в воскресенье, – не могу расстаться с ним, пусть еще присутствует при нашей жизни.

Приписка: «Похороню в среду, через неделю. Не было сил расстаться с ним. Он лежал, как живой, целовала его всего, мягкую щечку, лобик, лапки... Спи, мой зверечек кроткий, моя ненаглядка, моя радость, прекрасный золотой дружок».

Чтобы понять эту запись, надо знать, какое место этот котик занимал в нашей жизни. Я все о нем записала в воспоминаниях о своем сыне – этот котик был его ближайший дружок, коток-братик.

После смерти Фомушки умерли все кошки в нашем доме – одна за другой. Ушел он вовремя, наш дружок. Его смерть была первым постигшим нас ударом. Тридцать три дня спустя грохнула наша бомба и пустила нашу жизнь под откос. Бесприютность. Разорение. Голод. Блокада. Мамина смерть и здесь, в Москве, конец всему.

У Гюго в L'homme qui rit⁵⁴ сказано:

«Dans une destinée, quand l'inattendu commence, préparez-vous à ceci: coup sur coup. Cette farouche porte une fois ouverte, les surprises, s'y précipitent... L'extraordinaire ne vient pas pour une fois...»⁵⁵

Вместе с Фомушкой отлетел добрый дух нашего дома. И скоро его могилка навсегда скрылась под грудой развалин.

1-го ноября я получила такую открытку от мамы:

Завтра день твоего рождения, дорогая Лидушенька, поздравляю тебя, крепко целую и желаю всего лучшего и важного в жизни. Мечтала сама приехать с хорошим подарком – мясом.

Знакомая Елизаветы Петр<овны> Корсаковой собиралась зарезать корову, но вот уже две недели ни слуху ни духу. Может быть, Ел<изавета> П<етровна> зайдет ко мне завтра, тогда узнаю, в чем дело, может быть, уже все расхватали или корова жива. Я сильно простужена, немного лихорадит, кашель, всё как полагается.

Вдруг завтра принесут мне мяса, и тогда уже не знаю, как

⁵⁴ «Человек, который смеется».

⁵⁵ Здесь вставка карандашом на французском языке рукой Л. Л. Слонимской: «Когда в жизни случается что-то непредвиденное, готовьтесь к тому, что это будет постоянно повторяться. Если уж эта страшная дверь приоткрылась, то неприятные сюрпризы так и посыпятся... Беда не приходит в одиночку...» Перевод А. Ю. Манштейн-Серебрянниковой.

доставлю его вам. Но лучше не надеяться. Я просила как можно больше, можно на холоду подержать и посолить. Боюсь, что ничего не выйдет. Крепко целую всех троих. Любящая мама.

Мама была права: никакого мяса ей не принесли.

16 ноября было 20 лет со дня смерти папы⁵⁶. Он умер молодой, ему был 51 год... Мама служила панихиду у Князя Владимира⁵⁷. Была мама, мы с Сашей, тетя Вера Павлищева и Дина Веймарн. Три старушки. Они все погибли. Сначала Дина, потом Вера, потом мама. Мы пешком возвращались через парк. Был теплый солнечный день. Грустно, грустно было на душе.

Мальчик побывал под обстрелами на окопах, дежурил в жакте, дежурил на крыше нашего дома, пытались послать его на окопы и от жакта – удалось спасти, но от Всевобуча не удалось спасти. Он учился в 10-м классе и одновременно ходил на военные занятия. Собственно, учения почти не было,

⁵⁶ Кун Леонид Карлович (7 января 1869 – 16 ноября 1921) – отец Л. Л. Слонимской. Окончил 2-й кадетский корпус и 2-е военное Константиновское училище в Петербурге. Выпущен в 47-й пехотный Украинский полк. Столоначальник Главного штаба (1906–1910). Полковник (1912). Окончил ускоренный курс Николаевской академии Генерального штаба. Состоял на службе в РККА.

⁵⁷ Князь-Владимирский собор (собор Святого равноапостольного князя Владимира) на ул. Блохина, 26 (Петроградская сторона). Во время Великой Отечественной войны храм не закрывался ни на один день. Все дни блокады в соборе находилась чудотворная Казанская икона Божией Матери, что, по словам верующих, составляло одну из главных духовных твердынь города-фронта.

зато мучения было вдосталь. Свирепые «начальники» знали одно: ругань и угрозы, и недаром народная молва перекрестила во Всезамуч. У меня сохранились две повестки Вовочки из Всевобуча. Выписываю с сохранением орфографии:

Повестка

т. Слонимскому В. А. Петровский пр., д. 2, кв. 7.
Приказываю вам явиться на ВУП № 4 26/Х-41 г.
к 18 ч.
для вступления в норияд к-р 2 отд. I взв (карауля).

Повестка

Военнообязанному Слонимскому В. А. Адрес: Петровский 2 кв. 7 для несения суточного наряда предлагаю явиться к 19 час. 27/ХI-41 г. в Приморский райвоенкомат по адресу Кировский пр., д. 42 Дом-Культуры Промкооперации. При себе иметь на руках военный билет, настоящую повестку и нижеследующее:

Мальчик с девятилетнего возраста после скарлатины болел почками, и я пыталась спасти его врачебной справкой. Вот она:

Справка

Дана Слонимскому В. А. 17 лет в том, что он по состоянию здоровья (хронический пиелит) не может нести круглосуточные дежурства. Врач-консультант Гортиков. 10/XI-41 г.

Справка на помогла. Его продолжали терзать. Его муки записаны у меня в дневнике под заглавием «Список благодеяний». Вот он:

Вовины военные занятия

5/X – 3 часа (от 4 до 7) 6/X – 4 часа (от 3 до 7)

8/X – 4 часа (от 3 до 7)

10/X – 4 часа (от 3 до 7)

13/X – 4 часа (от 3 до 7)

15/X – 4 часа (от 3 до 7)

16/X – 4 часа (от 3 до 7)

17/X – 4 часа (от 3 до 7)

Дополнительные занятия: подметать, перетаскивать на себе эстрады, вытягиваться в струнку при появлении бурбона⁵⁸. Плюс круглосуточное дежурство от 6 в<ечера> 17-го до 6 веч<ера> без питания в нетопленном помещении,

⁵⁸ Ответственного за проведение занятий во Всевобуче.

на каменном полу, под ружьем.

20/X – 4 часа (от 3 до 7) 22/X – 4 часа (от 3 до 7)

23/X – 4 часа (от 3 до 7). Плюс с 8 ч. 30 мин. утра до 1 ч. дня перевозка на себе барахла в другой «пункт».

24/X – 4 часа (от 3 до 7)

26/X – 27/X – 4 часа (от 3 до 7). Плюс внеочередное суточное дежурство в неотапливаемом помещении без питания.

29/X – 4 часа (от 3 до 7)

31/X – 4 часа (от 3 до 7)

1/XI – повестка явиться в военкомат. Оказалось, призыв первых месяцев 1923 г. Вову отпустили.

2/XI – круглосуточное дежурство в тех же условиях и с веч<ера>. 2/XI до 6 веч<ера> 3/XI, плюс очередные занятия.

5/XI – 4 часа (от 3 до 7)

10/XI – 4 часа (от 3 до 7). Плюс круглосуточное дежурство в тех же условиях. Там продается винегрет и котлеты, но купить его имеет право только комсостав, дети должны голодать.

10-го же числа Вову включили в список на трудповинность на месяц, хотя отлично знали, что он в школе и на Все-

вобуче. Едва отбилась.

Эта старая вошь Слитенко кричала Саше: «Люди на фронте кровь проливают, а вы желаете сына от трудповинности скрыть» и т. д.

Меня лишили обедов в Союзе писателей (будто бы «потеряли» мое заявление). Каждый день по удару и посягательству на жизнь. Можно подумать, что главная цель – истребить как можно больше народу. И это когда ежеминутно ждешь смерти от бомб и снарядов.

12/XI – 4 часа (от 3 до 7)

14/XI – 4 часа (от 3 до 7)

15/XI – 16/XI с 6 веч<ера> до 6 веч<ера>. Круглосуточное дежурство, плюс бомбежка.

19/XI – 4 часа (от 3 до 7)

23/XI – 5 часов на снегу лежа

26/XI – 4 часа (от 3 до 7)

27/XI – 28/XI 4 часа – круглосуточное дежурство. 28-го утром его погнали обратно с руганью, потому что у него в сумке не было противогаса. Ключ от квартиры был со мной, он разыскал меня в очереди и снова побегал на Всевобуч. Ему же сегодня дежурить в жакте от 10 до 12. Я выйду за него.

3/XII – 4 часа (от 3 до 7).

В тот же день, 3 декабря, – бомба у нас. Вова не ходит на Всевобуч. Завтра, 10-го, пойдет заявить о смене адреса, и, может быть, его потеряют.

Я забыла сказать, что сама я тоже подлежала отправке на рытье окопов. С большим трудом удалось мне пройти медицинскую комиссию и освободиться. Меня спасла тяжелая операция, которую мне делали в 1937 году, оставившая громадный шрам на теле. Благодаря этому наша жизнь текла нормально, но, если бы меня услали, не знаю, что было бы.

3 декабря упала «наша» бомба. Ах, этот день! Как хорошо он начался! С утра горело электричество, обед мы получили рано и ехали домой (трамваи шли) счастливые, в предвкушении спокойного вечера со светом, когда можно будет заниматься. Пришли домой, я растопила плиту и стала варить обед к приходу Вовочки. С утра он, мой милый, развел и взбил свой любимый меланж для омлета. В это время он уже научился относиться к еде как к священнодействию. В начале 7-го загудела тревога и сейчас же вбежала Тамара Барыкова, радуясь, что удалось до меня добраться. 7 ноября, на праздниках, бомба упала в ее дворе на Мойке, 16, ее комната была разрушена, и она страшно боялась бомбежек. У нас было тепло, светло, весело трещала печурка, в ожидании мальчика готовилась еда.

Тревога не успела отзвучать, как загрохотали зенитки, задрожал дом от разрывов. Тамара, напуганная, сидела ни жива ни мертва. Я поцеловала ее и сказала: «Не бойся, у нас ни-

чего с тобой не будет. Папа меня так любил, он не допустит, чтобы в нас упала бомба. Я чувствую себя под его покровом». Я не успела договорить этих слов, как раздался страшный удар, дом дрогнул, посыпались книги, какие-то вещи... Печурка продолжала топиться. Мы не испугались. Мы подумали, что где-то поблизости разорвалась бомба, – к таким ударам мы давно привыкли. Но прибежала Капа Гузеева и сказала, что рядом с домом упала и не разорвалась бомба. Мы не поверили. Саша пошел посмотреть, увидел в земле отверстие диаметром в водопроводный люк, поковырял там ручкой и пришел с известием, что ничего там нет, чепуха, но принес напоказ обломок мерзлой земли, показавшийся нам очень подозрительным. Только обсудили мы этот кусок земли, как явился новый квартальный Титов в сопровождении пожарника Вигелиуса и велел немедленно уходить, взяв документы и карточки и погасив свет, так как рядом с домом лежит бомба замедленного действия. Эти мои слова о папá! Может быть, он отвел бомбу от моей головы на волосок. Может быть, это было наказание за мои самонадеянные слова. Но нет, конечно, первое, ведь я не одна жила в доме! Сколько раз мы потом говорили, что, если б мальчик был дома, лучше б эта бомба упала на нас и все было бы кончено разом. Но его не было. Он вернулся бы голодный с Всевобуча и вместо отца с матерью застал бы дымящиеся развалины. Что бы с ним было? Куда бы он пошел? К старой больной бабушке? Они скоро-скоро погибли бы голодной смертью.

Теперь спрашивается: почему не была вызвана команда, разряжающая бомбы замедленного действия? Из тех официально воспетых команд, которые будто бы всегда немедленно являлись и разряжали бомбы? А у нас они упали пачкой – целых три. Но к нам никакая команда не явилась, а местные «начальники» ограничились приказом очистить квартиру и сами засели в жакте сложа руки, в ожидании, когда бомба сделает свое дело.

Чуть только ушли квартальный и Вигелиус, как Тамара мигом оделась и заспешила уходить. Какую она внесла панику, сколько было из-за ее присутствия непоправимых последствий! Если бы не она, мы не пошли бы к маме, а переночевали бы где-нибудь в Сан-Галли⁵⁹ и с раннего утра были бы на месте, чтобы спасти имущество от грабителей и хлопотать о новом жилье.

Но суждено было иначе. Тамара потребовала, чтобы я немедленно ушла. Спускаясь с лестницы, с каждой ступеньки она кричала: «Лида, ты идешь? Да идешь ты, наконец? Ты еще долго будешь?» и т. д. – и так меня затормошила, что я, потеряв сосредоточенность, плохо уложила сельдь и омлет из меланжа, приготовленный Вовочкой. Бумага размякла, и

⁵⁹ На Петровском острове предприниматель и владелец Чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли (1824–1908) построил городок с домами для сдачи внаем, который так и называли: городок Сан-Галли. В одном из таких домов и жили Слонимские. Во время блокады Ленинграда деревянные постройки городка пострадали при бомбежках, и все, кроме одного деревянного строения, в котором помещался детский дом, были разобраны на дрова.

я почти все потеряла в дороге. Часть просыпалась в передней и была растоптана сапогами зачем-то снова зашедшего Вигелиуса.

Когда Вовочка вернулся еле живой от голода, он пришел в отчаяние и плакал, как маленький, не потому, что у нас бомба, а что потеряны омлет и селедка. В бомбу он не поверил («вздор, пустяки: трусили, испугались!») и жестоко рассердился. Насилу удалось мне его успокоить.

Первыми ушли Саша и Тамара, я оставалась еще в квартире, собирая горячий обед и благодаря Бога, что Фомка умер. Что бы я с ним делала в этой панике, в настезь раскрытой квартире? Горячий суп, кашу, кисель и чай – я все вынесла и благополучно, чуть не в зубах перенесла сначала к Пеговым, потом к Пфэфферам. Путаница произошла оттого, что Саша сказал: «Идем к Марии Ивановне Тюнеляйнен», и я пошла к ней, но ее не было дома, тогда я потащилась к Пеговым, но и там не было ни Саши, ни Тамары, и я осталась во дворе, не зная, где мои. Стою и кричу: «Саша, где ты? Тамара, где ты?» Наконец подумала, что они, может быть, у Пфэфферов, и правда нашла их там. После этого началась, вопреки крикам Тамары, беготня в квартиру за оставшимися вещами, продуктами и книгами, какие можно было захватить. В 8 часов пришел мой крошечка, и мы пообедали. Вечное спасибо милым Пфэфферам за их гостеприимство и сердечное внимание. А это были немцы!

До 10 ч. вечера таскали вещи из квартиры и наконец, по

Тамариному настоянию (ей просто было страшно идти пешком одной!), пустились в путь к <моей> маме.

Была гололедица, мрак, тяжело идти. На мосту остановили. Я объясняю часовому, что у нас бомба, – он так от меня и отскочил, гаркнул: «Какая бомба?» – наверно, подумал, что бомба со мной? Посмотрел документы и пропустил. Мама уже собиралась спать и, только взглянув на нас, сразу все поняла. Тамара была счастлива, что теперь я буду с ней рядом.

Бомба взорвалась в 11 ч. 30 мин. вечера. Взрыв был так силен, что у Пфедферов соскочил со стены барометр и вылетел в другую комнату. Люди попадали со стульев и постелей. Даже у Тихоновых, живших на Зверинской⁶⁰, все дрогнуло и закачалось. Мария Константиновна потом вспоминала и говорила: «Так это вы тогда взрывались?» Когда Саша и Вова пришли на следующий день – кабинет представлял собой груду развалин. Стена к Гузеевым треснула, их наружная стена частью отвалилась, и виден был Петровский. Громкие шкафы напрыгнули друг на друга, погребя под собой книги, мебель. Книги с полок и этажерок лежали грудой на полу, вперемешку с кирпичами, кусками известки, обломками мебели. Люстра (моя дивная!) оторвалась и исчезла под рухнувшим шкафом и битым стеклом. Передняя, кухня – хаос. Но в передней, среди обломков мебели и кирпичей, на полу, слетевшая со стола, совершенно целая стек-

⁶⁰ Н. С. Тихонов с женой с 1922 г. по 1944 г. проживали в д. 2/5 (Зверинская ул., 2 / Большой пр., 5).

лянная банка! На кухне будто ведьма поиграла: плита провалилась, полки с посудой перелетели в другой конец, мои вещи у Гузеевых, гузеевские у нас – и все разбито, погнуто, переломано. Гузеевские обе комнаты разбиты в щепы, печь – на кровати и т. д. Более или менее уцелели моя и Вовочкина комнаты, только зеркала и картины частью упали со стен и разбились. Цветы все перемерзли, но финиковая пальма выжила и была перенесена к Пффефферам. Даже фарфор, который я в первые же дни войны уложила в нижний ящик платяного шкафа в мягкие тряпочки, весь уцелел.

Самые ценные вещи мы сразу перенесли к Пффефферам и Николаевским, а остальные ежедневно перевозили на саночках к маме.

Осуществлялся папин «покров» надо мной, о котором я тогда сказала Тамаре: я на его квартире, под его крышей.

Приведу последнюю свою тогдашнюю запись – на ней дневник обрываю, стало не до писания:

«Следствия катастрофы: 1) Мы не в своем жакте. 2) Вовочку с переменной адреса могут потерять на Всевобуче. Саша и Вовочка очень слабы – я ничего.

14/XII. Ежедневно с Вовочкой ездим на Петровский с саночками и вывозим свое добро. Выгоняю мародеров, являющихся на квартиру то за счетчиком, то за электрическими пробками и т. д. – попросту грабителей. На днях сажены в 7 от нашей бывшей квартиры на глазах у Саши и Вовочки

разорвался снаряд. Столб земли, камня, балки взлетели на воздух. Снаряд был маленький. Вчера видела, как на Биржевом мосту умер от истощения человек. Его увезли на дровнях. Мороз большой, страшно мерзнем. *Трамваи не ходят. Езда на Петровский и работа на квартире – пытка. По дороге то и дело встречаем саночки с самодельными гробами. Одна мамина знакомая записана на гроб для своей умершей родственницы 565-м номером. Убитых и умерших людей не успевают хоронить. В Союзе писателей уже умерло несколько».*

На этом заканчивается тогдашняя последняя запись.

Одновременно с нашей бомбой на Петровский упали еще две и не разорвались, но воздушной волной убило корову нашей молочницы Матрены. Так как одна бомба упала прямо на мостовую, то движение по Петровскому было прекращено, а грузовики и прохожие устремились через наш двор. Заборы давно были сняты как опасное горючее при пожаре, а когда я стояла в темноте на нашей аллее и взывала: «Тамара, где ты? Саша, где ты?» – мимо меня проезжали грузовики и спешил народ, торопясь миновать опасное место.

У мамы не было лишних кроватей: Вовочке устроили ложе из составленных кресел, на которые я привезла наш большой тюфяк; Саше я привезла Вовочкину сеточную кровать с тюфяком и все наши подушки; сама устроилась на узеньком и коротком диване, на котором проспала всю зиму, ле-

то и осень до нашего отлета в Москву. С тех пор я спала в человеческой кровати только один месяц в санатории в Болшеве⁶¹ и сейчас сплю тоже кое-как – итого четыре года без хорошего ночного отдыха.

Вскоре после нашего переезда к маме мы получили от Ани Венгеровой⁶² письмецо, помеченное 8 дек<абря> (она не знала, что у нас делается, но ее любящее сердце подсказало ей именно в эти дни хоть письменно снестись с нами):

Милые Лидочка и Саша!

Сто лет не было общения между нами! Сначала я все ждала, что вот-вот у нас восстановят телефон и я с вами поговорю. Потом телефон восстановили (по ходатайству учреждения зятя), но ваш, увы, никак не отзывается (хотя звонок есть). А я почему-то считала, что у вас не выключен. Говорим время от времени с Тосей о том, как бы съездить к вам, но сами знаете – каковы обстоятельства из-за В. Т., вечных стояний в очередях и невозможности что-нибудь предпринять вне дома вечером – ничего не выходит,

⁶¹ Болшево – поселок (ныне – г. Королев Московской области), где располагался известный санаторий АН «Сосновый бор», в котором бывали Б. Пастернак, А. Ахматова и многие другие писатели.

⁶² Венгерова Анна Петровна (1886–?) – родственница А. Л. Слонимского. Проживала на Ковенском пер., д. 4, кв. 4. Все годы блокады провела в осажденном городе. Участвовала в круглосуточных дежурствах по охране дома, после снятия блокады – в очистке двора, несла дежурства в штабе МПВО, председатель санитарной группы. В 1944 г. награждена медалью «За оборону Ленинграда».

ни с кем невозможно встречаться, а к вам ведь так далеко добираться! Вы хоть, верно, и бываете в городе, но ни разу не заглянули к нам!

Тося живет на Васильевском острове, и хоть редко теперь, но все же заглядывает иногда, когда приезжает в центр. Теперь я вдруг догадалась, что можно ведь снести письмо с вами. Очень хочется знать, что у вас делается. Я как-то считаю, что внешне у вас благополучнее, чем в других местах (у нас уже два раза вылетали стекла, разрушения совсем рядом ужасные), но как здоровье и дома ли Вовочка? Черкните, пожалуйста! Адрес я вам давала, напоминаю: Л. 14, Ковенский пер., 4, кв. 4.

Крепко всех целую и приветствую,

Аня.

Не помню, ответили ли мы на это письмо, – наверное, да, потому что очень скоро и Аня, и Тося появились у нас на Дворцовой, и Аня не покидала нас до самого нашего отлета в Москву.

Между тем голод все усиливался. Я принялась за обмен вещей на продукты – главным образом, своих платьев и пальто – у меня было много одежды. Первой ушла нарядная лиловая шуба и муфта к ней. Эти вещи были обменяны на небольшое количество картошки и квашеной хряпы – где-то, у каких-то людей на самом конце Крестовского острова. Мы отправились туда вдвоем с Вовочкой. Возвращались в темноте, кругом ни души, и невольно приходили на ум слы-

шанные рассказы об убийствах и грабежах, которые полным ходом шли в городе, – и как же нам было жутко! Почувствовали себя в относительной безопасности, когда наконец добрались до Петровского, хотя вся дорога была еще впереди, но уже места знакомые.

Мясо от убитой коровы (остаток, потому что половину у Матрены отнял квартальный Титов!) Матрена посолила и продавала нам понемногу, тайком от сына и невестки, которые все требовали себе, ей-то самой ничего есть не давали, и она собственным добром распорядилась крадучись. Она скоро умерла, как и ее невестка и внуки, а сын уехал грузчиком на Ладогу.

Два своих платья я обменяла у матери Володиного школьного товарища, Коли Путилова, на ячмень и 400 г конфет «ирисок». Она работала тогда в крупяном отделе кооператива и у нее были продукты. Коля и сам давал нам понемногу этот засолодевший ячмень (он служил на «Баварии») за папиросы, а раз просто подарил кулек. Потом его взяли на фронт, и я не знаю, что с ним случилось, как и с матерью его.

Саша до 15 декабря держался на ногах и не пропустил ни одной лекции в Театральном институте. Этот ин<ститу>т помещался на Моховой, которую немцы непрерывно бомбили и к весне превратили в груды развалин. Часто он читал лекции в бомбоубежище, куда спускался со студентами, когда начиналась тревога. И всякую тревогу мы трепетали за его жизнь. Это его рвение к лекциям очень повре-

дило устройству хоть какого-нибудь жилья для нас и спасению имущества. Он даже не взял законного в таких случаях отпуска на три дня, новой квартиры мы так и не получили, и спасение имущества всё легло на меня, а я не могла одна всего организовать. У него уже не было сил предпринять что-либо, Петровский был далеко, а Моховая от Дворцовой относительно близко и, главное, там давали две конфетки к чаю, и одну из них он приносил Вовочке. Эти конфетки манили его и поддерживали силы.

О, эта дорога на Петровский! Рано утром, еще в темноте, закутавшись до глаз, сойти с лестницы (несколько ступенек, но как больно – колени не сгибаются!). Дворцовая площадь вся в морозном тумане и горах снега, два моста через Неву, бесконечный Александровский, набережная Ждановки, снова мост, парк. Потом на этой дороге легли меты – трупы, то занесенные снегом, то снова обнаженные, и я шла от меты к мете. Когда на обратном пути я с Биржевого моста замечала Ростральные колонны и потом Адмиралтейскую иглу, я облегченно вздыхала – дойду, дотащу сани! Последний подъем на Дворцовый мост, двойной трамвайный столб на середине, спуск, подтаивающий люк на углу бывшего царского сада⁶³ и площади – и я дома!

Саша свалился 15 декабря, и все легло на меня и на бед-

⁶³ Александровский сад (назван в честь императора Александра II) открыт в 1874 г.

ного Вовочку. Но и он не долго тянул: скоро и у него не стало сил ходить со мной на Петровский – он только добредал до столовой за обедом. Мама еще ходила и получала обед в Эрмитаже, рядом. Раз я вернулась с Петровского, нагруженная как лошадь, и у нас были Томашевские⁶⁴. Саша со слезами

⁶⁴ Томашевские проживали в писательском доме на наб. канала Грибоедова, д. 9. *Томашевский Борис Викторович* (1890–1957) – литературовед, писатель, текстолог, пушкинист. С 1921 г. сотрудник Пушкинского Дома, заведующий Рукописным отделом и Сектором пушкиноведения Пушкинского Дома. Во время кампании против «формальной школы» был уволен (1931), работал преподавателем прикладной математики в Институте путей сообщения. В 1930-е гг. работал в качестве научного сотрудника в Пушкинском Доме. С 1941 г. заведовал кафедрой русской литературы в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. С осени 1941 г. имел обязанности по военной охране помещений Пушкинского Дома, занимался подготовкой его помещений к противовоздушной обороне, состоял в пожарном звене и т. д. С марта 1942 г. по сентябрь 1945 г. находился с семьей в Москве, преподавал в вузах. В сентябре 1945 г. вернулся в Ленинград, в 1946–1957 гг. заведовал Рукописным отделом Пушкинского Дома, в 1957 г. – Сектором пушкиноведения; одновременно был профессором ЛГУ. Составитель первого советского однотомника Пушкина (1924–1937), полного академического собрания сочинений Пушкина (1937–1949). Принимал участие в подготовке и редактировании академических изданий сочинений Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, А. П. Чехова. Участвовал в составлении словаря языка Пушкина и издании пушкинских томов «Литературного наследства». Подготовил ряд изданий текстов поэтов XVIII – начала XIX века в серии «Библиотека поэта». Автор книг «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения» и «Теория литературы. Поэтика» (1925 г.), «Писатель и книга. Очерк текстологии» (1928, 1959), популярного учебника «Краткий курс поэтики» (1931) и др., а также множества статей. Скончался на отдыхе в Гурзуфе, похоронен там же на местном кладбище. Его жена – *Медведева-Томашевская Ирина Николаевна* (1903–1973), литературовед. Окончила Ленинградский институт истории искусств (1930). Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Гнедич в общественной и литературной борьбе первой четверти XIX века» (1949). Подго-

бросился целовать мои руки. Я дала Томашевским чаю с сахаром, – были получены какие-то кусочки. Они были счастливы.

Первое время Сашиной болезни мы всё, что могли, отдавали ему. Но потом запасы кончились, и он перешел на общую еду. Он ел четыре раза в день. Перед уходом я ему варила в крошечной кастрюлечке компот из нескольких черносливин. Это был его второй завтрак. Днем он пил овсяное какао. Вечером с нами обедал. Свет в Штабе⁶⁵ еще горел, потом нас выключили, потому что у нас считалась отдельная квартира, а кругом свет оставался.

Обед Саша получал свой писательский с добавкой выменианных на шубу мяса и капусты. Сначала мы тоже ели мясо, потом перешли на один ячмень, и раздражались и доходили до слез, когда Саша тоже просил ячменя, предлагая в обмен часть своей еды. Ячмень мы считали целиком своим и чували в нем свое единственное спасение, и правда, он один нас поддерживал – эта засолодовавшая, грязная, темно-коричневая, как шоколад, каша!

Вернувшись с Петровского с нагруженными санями и со Шпалерной <из Союза писателей> с обедом, мы растаплива-

товила книгу «Н. И. Гнедич. Стихотворения и поэмы» для Малой (1936) и Большой серии «Библиотеки поэта» (1956). Автор книги «Стремя „Тихого Дона“», в которой ставит под сомнение авторство романа М. Шолохова, единомышленница А. И. Солженицына. Похоронена в Гурзуфе рядом с мужем.

⁶⁵ В здании Штаба Ленинградского военного округа, где у матери была квартира.

ли плиту (я чуть не плакала, когда заставляла ее еще не растопленной – а это случалось часто!) и принималась застряпню. Садилась обедать после того, как Саша примет горячую ванну в большом тазу – у него немели и не сгибались ноги.

Так мы начали блокадную зиму 1941/42 года.

Я пишу все это летом 1945 года. И тороплюсь выложить из памяти всё, всё – пройдет время, кое-что забудется, а «мелочей» для меня тут нет. Писать мне очень тяжело, но я это считаю нужным. Если кому-нибудь попадется эта тетрадь, я прошу извинить меня за сбивчивость – я пишу, как вспоминаю. Пишу я главным образом потому, что мой ненаглядный и незабвенный мальчик прошел через всё это. Блокада его убила, и в этой блокаде, когда почти все люди стали чернее черного и злее злого, он – «сиял, как светлый луч на фоне отвратительного мрака». Так сказала о нем одна женщина, друг наш Лидия Ефимовна Зубашева.

Сейчас, чтобы не забыть, я перепишу сюда несколько строк из анекдотической газетной вырезки, которую я у себя нашла. Вырезка из «Ленинградской правды», время: осень,

наверно, август 1941 года. Желающие могут проверить.

«Порядок продажи товаров работникам торговой сети.»

Нарком торговли СССР тов. Любимов издал распоряжение о порядке продажи продовольственных и промышленных товаров работникам торговой сети. В беседе с корреспондентом „Ленинградской правды“ главный инспектор Государственной торговой инспекции при Наркомторге СССР тов. ГОЛОД сообщил...»

Не правда ли, символичная фамилия?

Теперь расскажу об одном странном случае, происшедшем со мной в конце 1941 года, вскоре после падения бомбы. Когда я в начале 20-х годов работала в Пушкинском Доме, меня трогательно и нежно полюбил один сотрудник Пушкинского Дома – Дмитрий Николаевич Маркович. Его мать из семьи Аксаковых, и после Аксаковых Марковичи владели нашим (пушкинским) Кобрином⁶⁶.

Дмитрий Николаевич был поэт и художник, сложный

⁶⁶ В 1759 г. Кобринно было приобретено А. П. Ганнибалом, прадедом Пушкина; ему наследовал сын Осип Абрамович. С 1800 г. оно принадлежало жене мореплавателя Ю. Ф. Лисянского; в 1842 г. – куплено Н. Т. Каргашевской (1793–1887), сестрой писателя С. Т. Аксакова. Ее дочь Надежда Григорьевна (1828–1890) была замужем за Александром Николаевичем Марковичем (Маркевич, 1830–1907); их потомки владели кобринским поместьем до 1916 г.

и странный человек, он, как сам говорил, жил как бы в двух планах, реальном и потустороннем. Этот потусторонний план открывал ему многое из будущего – так, например, он сам предсказал мне свою смерть. Он умер в 1925 году. Много лет спустя его мать подарила мне его фотографию, в военной форме, в чине поручика, с мальтийским крестиком на груди (он был паж). Эту фотографию я очень берегла и положила ее со всеми дорогими мне фотографиями в специально отведенное для них место. И вдруг эта фотография пропала. И сколько я ее ни искала – я не могла ее найти: она как в воду канула.

Наступила блокада. Мы перевезли наше добро из разбомбленной квартиры к маме. Дошла очередь до шкафа, где хранились альбомы и отдельные фотографии. Не разбирая, я захватила охапку, сунула в мешок и с другими вещами повезла на саночках на Дворцовую. В этот день мне особенно было тяжело, я едва дотащила свой груз и измученная, чуть не обливаясь слезами, пришла на Дворцовую. Обед еще не было, только растопляли плиту. Я стала готовить, а мама с Сашей сидели и разбирали привезенную мной поклажу. Мне было очень горько и грустно и жалко себя – некому было помочь мне в навалившемся на меня непосильном труде. И вдруг по радио заиграли какую-то нежную лирическую музыку Чайковского. Не знаю почему, эта музыка сразу вызвала в моей душе образ Марковича, о котором я давным-давно не вспоминала, к сердцу прихлынула теплая волна, и я поду-

мала: «Вот этот бы меня пожалел, вот кто бы мне помог». И в эту самую минуту слышу, мама спрашивает у Саши: «Кто этот военный?» Саша отвечает: «Не знаю». Я подбежала к ним: в руках у мамы была пропавшая карточка Марковича. Он явился на мой горячий зов, как скрывался все время, пока мне не был нужен...

Обеды наши в это время проходили в молчании. Так требовал Вовочка. Момент пищи был для него священнодействием, и он сердился, когда мама или Саша это молчание нарушали. Я старалась ему подчиниться. В эти зимние месяцы он был очень плох. Колени подгибались, он едва ходил. Терзания на Всевобуче не прошли даром для него... После обеда он сейчас же ложился, чтобы не растратить даром полученного запаса жизни. Ложились и мама, и Саша. Я одна каждый вечер хоть немного читала – без этого я не могла заснуть, и только чтение давало мне чувство продолжающейся жизни. Когда засыпали мама и Саша, я тихонечко подходила к мальчику (он ждал этого момента) и осторожно клала ему в рот (теплые, влажные губки!) или в ручку какой-нибудь сбереженный кусочек из своей порции, иногда – я не стыжусь – украденный у мамы. Он жевал, стараясь не шуметь. Раз подошла к нему. Ручка лежит поверх одеяла. Трогаю – она холодная. Ставлю на локоть – она падает, как безжизненная. Господи боже мой! Что со мной случилось! Я вся похолодела, сердце замерло. Но я знаю одно: действовать, немедленно действовать. Если он еще жив, надо, чтобы он что-нибудь

проглотил – что угодно, но проглотил. И я схватила полученное в столовой вино (как кстати!) – 100 г, по 50 на меня и Сашу, и влила ему немножко в рот. Он проглотил. Еще, еще. Потом ложечку сахарного песка, другую. (Этот сахарный песок я получила в Институте Пастера за кровь – я потом расскажу.) Он, голубчик мой, и не знал, что он уже уходил, что смерть его уже тащила. Она большей частью подкрадывается к голодным во сне – надо стеречь. Я устерегла и вырвала его обратно к жизни. Смерть была тогда, как тать в ночи, а жизнь человеческая – как свечка в Страстной четверг. Нести осторожно, не спуская глаз, не давая ветру задуть. Чуть зазеваешься, упустишь – и смерть хватает.

Так раз чуть не ушел Саша. Странно – после обеда. Сидел с нами, говорил. Вдруг глаза остановились, голова стала опускаться на грудь, челюсть отвисла, весь сползает со стула. Мы выскочили, подбежали, потащили на кровать. Та же капля вина, горячий чай, растирание ног – и он вернулся.

Мы жили тогда в осязаемой близости со смертью, она шла рядом, ощущалась под локтем, была почти зрима. В эти страшные месяцы я научилась относиться к ней как к существу – злобному, гнусному и коварному, с которым надо вступать врукопашную. Это отношение сохранилось у меня и сейчас. Если мне тогда удалось спасти мальчика, то потому, что я, сколько возможно, не спускала с него глаз, чтобы не пропустить момента, когда она к нему подкрадется. Ведь она – смерть – бездетная, матери надо бороться, чтоб она не

отняла у нее ее дитя. В те страшные месяцы мы заглянули в области, куда людям не положено смотреть, со смертью стали запанибрата, неведомое стало до невероятности простым. Я ждала за это наказания, хотя и не по своей воле увидела недозволенное. Видел и так же чувствовал это недозволенное и мой мальчик. Мы оба наказаны – смерть свое взяла.

Однажды, еще в декабре, мальчик был на Петровском не со мной, а со своим школьным товарищем Борей Козловым. Они прошли на половину Гузеевых, где уже почти все было вывезено, и увидели на полу какой-то желтый порошок. Мысль о том, что это может быть яичный порошок (что было совершенно невероятно), так была соблазнительна, что они не утерпели и съели этот порошок. Это была какая-то краска. Мальчик жестоко заболел: как он не умер – не знаю. Когда мы с ним отправлялись на Петровский вдвоем, я брала с собой четыре черносливины (чернослив держался у меня до конца января). После работы на квартире, нагрузки саней и перед обратным походом я давала ему две черносливины (бесполезно было просить его взять третью), и мы подкреплялись. Косточки берегли и зернышки из них съедали потом как отдельное блюдо.

Морозы в ту зиму были лютые. Обескровленные губы сводило морозом, язык костенел, на улице ничего нельзя было сказать. Помню это дикое чувство: хочешь что-то сказать и не можешь. Но не смешно, а берет бешенство. Поездка с санями никогда не обходилась без ссор. Каждый хотел везти

сам, а чтобы другой подталкивал и следил сзади за грузом. И то и другое тяжело, но везти все же тяжелее, поэтому Вовочка старался из последних своих силенок меня от этого избавить, и мы ссорились, но почти всегда мне удавалось настоять на своем, потому что я была и физически и морально сильнее, и сани везла я, а он толкал.

Раз мы были с ним на квартире. Я была в спальне, он в передней. Вдруг слышу отчаянный крик. Я подумала, под ним подломился пол или упали на него кирпичи, и, еле живая от ужаса, бегу к нему через поломанную мебель, но, слышу, он топчет мне навстречу, и мы сталкиваемся в кабинете. Оказывается, это был крик радости. Он нашел в корзине с елочными украшениями окаменелые елочные пряники! И мы сгрызли с ним по прянику, а остальные повезли в Штаб, папе и бабушке. Чтобы исчерпать тему о пряниках, скажу, что однажды, в начале 1942 года, в Союзе писателей каждому из нас дали по прянику. И Вера Конст<антиновна> Маркович-Кугель⁶⁷ (первым браком она была за пропавшим без вести в Гражданскую войну старшим братом Дм<итрия> Никол<аевича>, Андреем Никол<аевичем>) отдала мне свой пряник для Вовочки. Вечная ей за него благодарность и вечная слава: тогда никто ничего не давал.

Раз как-то Саша сказал при мне Томашевскому что-то

⁶⁷ Кугель-Маркович Вера Константиновна (1892–1961) – переводчик, драматург. В 1920-е гг. в летний период снимала дачу в пос. Карташевская с режиссером и драматургом А. Р. Кугелем (1864–1928), ставшим ее мужем.

вроде того, что блокада научит наших детей знать цену вещам, или цену жизни, а Томашевский ответил: «Как бы не переучили». И его дети (т. е. дети его жены⁶⁸) остались живы. А нашего милого, единственного, «переучили»...

Однажды Вовочка был на Петровском без меня, и ему что-то надо было в жакте. Но того человека, который был ему нужен, не было на месте, и он остался ждать. Сел и задремал. В жакте сидели две дежурные, и вдруг он слышит, как они между собой говорят про него: «Гляди-ка, да он, никак, умирает». Он открыл глаза. Они постарались его убедить, что дожидаться не стоит, и выпроводили его на улицу, чтобы он не умер в жакте. Он рассказал мне об этом с улыбкой, а потом одна из этих женщин, Ксения (фамилию забыла), сама мне рассказала.

Всю блокадную зиму 1941/42 года меня с мальчиком преследовала мечта – украсть буханку хлеба. Но красть было негде. И только сладкие мечты: я одна в булочной, никого нет, хватаю хлеб за хлебом, бегу, приношу своим. Раз Вовочка увидел на улице опрокинутый хлебный фургон. Он забрался в него, нашарил рукой обледенелые хлебные крошки и съел их вместе с грязью.

Очереди в это время за хлебом (паек 125, потом, кажется, 300 г, потом рабочим и научным работникам – 500) бы-

⁶⁸ Сын Б. В. Томашевского – Борис Томашевский (1909–1974), поэт, переводчик, редактор; участник Великой Отечественной войны. Дети И. Н. Томашевской-Медведевой – Зоя (1922–2010) и Николай (1924–1993) – были воспитаны Б. В. Томашевским и считали его отцом.

ли страшные. Булочных было мало, а хлеба не было вовсе. Я уходила за хлебом в 5, в 6 часов утра, в зимнюю студеную ночь, одетая во все теплое, что только было дома. Бежала бегом, чтобы обогнать спешащие туда же темные фигуры. Спешащие, т. е. ползущие от истощения, я же и своего темпа не теряла. Булочная была на Миллионной, недалеко (2-й или 3-й дом от Мошкова <переулка>). А очередь шла по Миллионной, по Мошкову и загибала на Мойку. Стояли закутанные во что попало фантастические фигуры. Одну женщину в клетчатом одеяле я помню и сейчас.

Раз я стояла за хлебом в 6 часов утра, а получила в 8 часов вечера. И не хлеб, а горсть муки – и последнюю. Помню свое счастье и зависть и ужас на лицах неполучивших.

Время от времени в этих очередях меня сменяла мама или Вовочка, а я шла домой погреться. Вторая мечта была о дуранде⁶⁹, но и она осталась неосуществившейся. За всю блокаду мне ни разу не удалось достать дуранды – ее было мало, и она очень была дорога и невыгодна для промена. Так же не ели мы и ремней. Ремни и кушаки продавались на рынке дорого – их разваривали и ели, потому что животная кожа, и они считались питательными. Чему мы отдали дань – это

⁶⁹ В первый год блокады в ленинградских магазинах еще продавался жмых – спрессованные бруски отходов, оставшихся от производства муки. Такие куски жмыха называли дурандой. Ее распаривали в кастрюле до консистенции каши или же запекали, добавляя в лепешки из дуранды последние остатки сахара: получались своеобразные конфеты. В самую страшную и голодную первую блокадную зиму дуранда спасла жизни сотен тысяч ленинградцев.

столярному клею. Его мы ели довольно долго. Был счастливый период, когда мы трое, Вова, мама и я, съедали по утрам целую миску студня из столярного клея, а Саше, который тогда был в стационаре в «Астории»⁷⁰, я носила этот студень в стаканах. И все ему завидовали и просили дать попробовать. Я могу сказать, что этот студень нас спас: он был питателен (изготавливается <клей> из рогов и копыт), хотя им часто отравлялись. Я научилась довольно вкусно готовить его с разными пряностями (этого добра было достаточно), так что совершенно исчезал специфический запах. В те времена человеку иногда достаточно было глотка горячей воды, чтобы он встал и пошел дальше и дожил бы, может быть, до куска хлеба, а от этого куска хлеба еще до чего-нибудь – и так, может быть, оставался бы жив. Люди так и жили, и некоторые спаслись.

Однажды Вовочка ушел днем за обедом (я была на Петровском) и вовремя не вернулся. Я пришла с Петровского – его нет. Проходит время – его все нет. Уже ночь, темно. Беспокойство стало невыносимым, я оделась и пошла его искать. На дворе была страшная гололедица. Я завернула на

⁷⁰ В здании гостиницы «Астория» на Исаакиевской площади с конца 1941 г. – начале 1942 г. располагался стационар на базе госпиталя № 108 для заслуженных горожан – писателей, художников, музыкантов, направление в который выдавалось зав. Ленгорздравотделом. Госпиталь занимал третий, четвертый и пятый этажи гостиницы, на втором этаже размещались кабинет главврача и приемная, там же проживал медицинский и обслуживающий персонал. До марта 1942 г. в стационаре побывало более тысячи человек.

Мойку и через несколько шагов на него наткнулась. Он еле брел со своей поклажей, и у него хватило сил только передать мне судки. Я крепко обняла его и тихонько довела до дому. Если б я не вышла ему навстречу, он упал бы, замерз и умер бы в двух шагах от дома.

В эти зимние месяцы мы были так худы, что кожа висела на нас складками. Сидели мы на костях, мягкого места не было, а вместо него висели кругообразные складки кожи, которые мы, подтрунивая друг над другом, называли «драпри»⁷¹. Ноги были как палки. Саша шутил, цитируя кого-то: «Тонки, как миноги, коварны, отлоги, несчастные ноги»⁷².

По утрам происходила дележка хлеба... Мамин паек вешали отдельно в булочной. Наш я развешивала сама. Прежде всего отделяла Саше его полную порцию. Остальное делила пополам между собой и Вовочкой. До января у меня была с Сашей одна норма – 400 г (повысили в декабре). А с января ему стали давать 500⁷³, а я осталась на служащей норме – 400. У мамы, как персональной пенсионерки, тоже – 400. И вот получилось, что у Саши 500, а у нас с мальчиком (он как иждивенец получал 300) всего 700, т. е. по 350 г, мень-

⁷¹ *Фр.* draperie – драпировка из тяжелой ткани со складками.

⁷² Строка из ст-я Александра Николаевича Емельянова-Коханского (1871–1936) – поэта, беллетриста, переводчика.

⁷³ Нормы хлеба: 24 января 1942 г. – 400 г (рабочие и ИТР), 300 г (служащие), 250 г (иждивенцы); с 11 февраля 1942 г. – 500 г (рабочие и ИТР), 400 г (служащие), 300 г (иждивенцы); с 22 февраля 1942 г. – 600 г (рабочие и ИТР), 500 г (служащие), 400 г (иждивенцы).

ше даже, чем у мамы, а работали только мы двое и за всех. И тут мамина знакомая старушка м<ада>м Корсакова, надоумила меня стать донором, т. е. ежемесячно отдавать кровь и получать за это рабочую карточку, 500 г хлеба, и еще при сдаче каждый раз маленький паек. Я так и сделала. Пошла в Ин<ститут>т Пастера на Петроградской⁷⁴, прошла осмотр – и меня приняли. И тогда у меня тоже стало 500 г, а вместе с мальчиком – 800, итого каждому по 400. Многие отговаривали меня, убеждали, что при истощении сдавать кровь очень опасно, но я пошла на риск – иначе было нельзя. Последний раз я сдала кровь в апреле, дальше у меня отказались брать, потому что я была очень истощена и меня грызла цинга. Но больше и не надо было, потому что в мае по горкому писателей⁷⁵ тоже дали рабочую карточку.

По воскресеньям обед в Союзе <писателей> не бывало, давали сухой паек (горсточка чего-то), и тут-то и пригосудился мой «кровавый» поек: по воскресеньям мы варили из него обед.

Я забыла сказать, что там, на пункте сдачи крови, однажды при мне умерла одна женщина (фамилия ее Гордесс). У нее брали кровь на соседнем со мной столе. Ей стало дурно, но она оправилась и дошла до комнаты, где давали паек, и тут умерла за чаем. Она сползла со стула, ее положили на диван и кричат: «Гордесс, Гордесс, вы слышите?» Но она уже ни-

⁷⁴ Большая Монетная ул., д. 15.

⁷⁵ От Ленинградского отделения Союза писателей.

чего не слышала. Раз в этом Ин<ститу>те Пастера я попала в бомбежку и тут первый и последний раз была в настоящем бомбоубежище. Ужасно сидеть под землей, чувствовать сотрясения почвы, слышать грохот и знать, что в любую минуту вся каменная громада над твоей головой может рухнуть и погresti тебя навек. По своей воле я никогда не ходила ни в какие бомбоубежища, но тут меня заставили, и я должна была подчиниться, потому что еще не получила пайка.

Когда Вовочка был в силах, он непременно сам готовил обед. Приготовление заключалось в разведении водой и без того жидкого супа из столовой и в варке какой-либо жидкой каши в добавку к казенной. Как он был скрупулезно честен и ни за что не хотел себе взять лишнего! С каким трудом мне удавалось убедить его съесть ложечку того-другого во время готовки, под предлогом «пробования».

Во всю блокаду любимым и почти единственным чтением его были книги <Е. И.> Молоховец, «Кашевар» и всевозможные брошюры с соблазнительными картинками в красках – рецепты приготовления всяких салатов, пирожных, конфет. Это было болезненное увлечение кулинарией.

В декабре и январе продуктов в городе не было выдано почти никаких. Мы жили одним обменом моих платьев. В январе вместо сахара были выданы граммов по 100 или 200 ужасающие конфеты под названием «Олень». Это были мокрые, сладковатые крохи какой-то черной массы. Мы съели их с жадностью.

Мама и Вовочка старались «растянуть»! Конфеты эти были получены в писательском магазине⁷⁶ на Михайловской. Этот магазин был завален пакетами хмеля, его можно было брать без карточек, по пропуску. Но что с ним делать – неизвестно. В нашей семье все были тронуты голодным психозом – все в разной мере и каждый по-своему. Сильнее всех пострадал Саша. Мама старалась уберечь и сохранить от нас свой «запас», хотя всем своим мы с ней делились, т. е. все ели поровну. Совсем сохранить свой запас ей не удалось – пришлось кое-что уступить Саше, когда он совсем слег. Вовочкин психоз выразился в увлечении кулинарией, требовании «священного» молчания за столом и скрупулезной делжке <еды>. Он очень любил бабушку. Чуть мы получили в Союзе <писателей> какую-нибудь добавку в виде 1 л <ожки> томатного сока или соевого молока, он сейчас отливал и нес ей ее долю. В чем выразился мой психоз – не знаю. Наверно – вот в чем: я раза три или четыре ukrала для себя у мамы кусочек сахара. Мне невыразимо стыдно, но этого не вырубишь топором. Это было сильнее меня – налетало безумное желание... У всех нас искажилась психика...

Среди этого голода я задумала непременно справиться 5 апреля свои именины. От каждой своей получки я понемногу откладывала по горстке муки, щепотке сахару, кусочку масла. Этот «неприкосновенный» запас сохранялся в бывшей

⁷⁶ Вероятно, распределитель для семей творческой интеллигенции. В мемуарной литературе упоминаний о нем не встречается.

Фомушкиной корзине (в которой он ездил на дачу и был целиком мой). Вовочка поддерживал меня в этой затее, а Саша раздражался, считал блажью и время от времени шел и брал у меня что-нибудь оттуда. Я сердилась и плакала. Мама считала своим долгом этот запас оберегать, и после того, как раз Саша в мое отсутствие что-то оттуда взял, она сейчас же мне об этом сказала, как только я пришла. Саша вышел из себя, кричал, что она становится между мной и им, и был страшный скандал. И я кричала и редела навзрыд.

Но я не могу всего писать...

В те месяцы, декабрь – январь, к маме еще время от времени заходили гости – разные ее старушки, и она их угощала. «Не хотите ли еще? Ах, может быть, вам это не нравится?» После того как она раз так угощала одну даму, Саша ужасно рассердился, закричал на нее и сказал ей, что если у нее есть лишние продукты, то пусть она хоть когда-нибудь угостит Вовочку, а не чужих старух. Мама плакала. Но он был прав, а мама считала себя обиженной.

Мальчик все выдумывал всякие кушанья и лакомства. Осталась капля какао (свое овсяное какао мама уступила Саше), Вовочка брал щепотку сахару, щепотку какао и чайную ложечку и растапливал эту массу на свечке. Саша сердился, что он зря портит продукты. Мальчик плакал, я его защищала. Иногда он из этой массы готовил «пирожное» на черном хлебе.

В эти первые месяцы, когда мама была еще на ногах, она

получала обед в Эрмитаже. Иногда мы с Вовочкой ходили за этим обедом. Помню, вход был с набережной и столовой там заправляла какая-то Нелли Львовна. Она покровительствовала маме. Но в феврале или в начале марта маму этих обедов лишили.

Помню, раз прибежала к нам тетя Вера (Вера Серг<еевна> Павлищева, ур<ожденная> Санникова, вдова маминогo кузена генерала Павла Николаевича Павлищева⁷⁷), с просьбой приютить ее, потому что дома ей оставаться нельзя: жена ее сына Юры⁷⁸, так наз<ываемая> маленькая Верочка (ур<ожденная> Плеханова, племянница знаменитого <марксиста Г. В. Плеханова>), бросается на нее с ножом и грозит убить ее и мужа. Она сошла с ума на почве голода, а главное, от мысли, что они – тетя Вера и Юра – живут за счет ее сил, а сами ничего не делают. Она дошла до яростной ненависти. Мне понятно ее чувство. Все свои силы и всю свою жизнь я хотела отдать одному. А рвали от меня мой труд и силы и требовали своей доли – еще двое. Временами и я доходила до ярости, но я ни на кого не бросалась, а только в эти минуты до крови кусала свои руки.

Саша ненавидел этот жест и, поймав меня на нем, впадал в истерику. Так вот, тетя Вера пришла, мы накормили ее обе-

⁷⁷ Павлищев Павел Николаевич (1870–1921) – генерал-майор. Участник Первой мировой войны. Служил в РККА. Инспектор кавалерии 8-й армии Южного фронта. В 1919 г. был арестован, находился в Ивановском концлагере в Москве. Помощник начальника штаба ГУВУЗ (1920–1921).

⁷⁸ Георгий (Юрий) Павлович Павлищев родился в 1904 г.

дом. Естественно, я не могла дать ей второго блюда столько, сколько своим. Она это заметила, съела свою порцию и сказала: «Вкусно, да мало». Потом они пошли с мамой за ширму, легли рядом на кровать и долго шептались. На следующее утро, прощаясь со мной в темном коридоре, через который я ее провожала, тетя Вера сказала мне: «Лидуша, береги маму». Очевидно, мама ей на меня жаловалась. У нее, бедняжки, уже тоже ум тронулся, она думала пронять меня авторитетом тетки и вообще, очевидно, считала, что я должна была заботиться о ней больше, чем о сыне. Как это странно!

Человеку было семьдесят лет! Но сила жизни и желание жизни были еще очень велики. Эти слова тети Веры глубоко меня возмутили, хоть я и смолчала. Во-первых, зачем маме вмешивать чужих? Потом это требование от меня еще чего-то, кроме того, что я уже даю, и чего же? Что я еще могла? И наконец, этот эгоизм и мамы и Саши – всем от меня было что-то нужно, каких-то забот и жертв. А я сама как? Кто обо мне позаботится? Никто и не заботился, даже в малой малости, кроме сына, друга моего единственного и незабвенного...

Эта Вера Плеханова скоро умерла, а за ней и тетя Вера. Их увезли куда-то. И Юра, который был болен, даже не знает, где они похоронены, как не знаю я, где лежит мама.

Несмотря на раздор, который был среди нас, все же наша семья жила много дружнее других семей. Полного мира не было ни у кого.

Приблизительно в это же время (незадолго до визита тети Веры) умерла мамина подруга Дина (Надежда Дмитриевна Веймарн-Гец⁷⁹). Маме сказала в Эрмитаже племянница Дины. Был лютый мороз. Мама хотела бежать к Дине. Но я не пустила. Дина умерла с голоду, но последним толчком был снаряд у них на Адмиралтейском канале, от которого вылетели все стекла и холод ворвался в квартиру. Труп Дины, как нам рассказывали, кишел вшами. Мама плакала. В эту ночь в Дининой квартире умерли еще три женщины и девочка – всего 5 человек. Труп ее отвезли на Канонерский остров. Тетя Вера в это время жила на Канонерской улице, и ей вообразилось, что Дину похоронили там. Она воскликнула: «Ах, это рядом со мной!» У нее уже тоже голова была не в порядке. Подумать только, почему труп повезут на Канонерскую улицу?

В эту первую блокадную зиму все инстинктивно старались экономить силы и не двигаться. Со мной было как раз наоборот, и я смело могу сказать, что никогда в жизни (хоть я и всегда много работала) я столько не работала тяжким физическим трудом и столько не двигалась, как в блокаду. Поддерживала меня нервная энергия, и если другие видели свое спасение (впрочем, очень редко спасались) в неподвижности, то я инстинктивно чувствовала его, наоборот, в том, чтобы не сбиться с темпа. Всю жизнь мой темп был *allegro*,

⁷⁹ Гец Надежда Дмитриевна (1876 – февраль 1942) – проживала на Красной ул., д. 56, кв. 1. Место захоронения неизвестно.

и таким он остался во время блокады. За всю зиму я лежала один только раз, полдня, когда температура с 35,3 поднялась до 39° и боли в ногах от цинги дошли до того, что я мечтала их отрубить, и как ни была голодна, но в этот день не в силах была сидеть за столом и есть свой суп.

Наружность моя во время блокады очень пострадала, и вместо обычных моих черт от худобы у меня стало не лицо, а «щипец», как у борзых. Но это меня не заботило, хотя не могу сказать, чтобы я совершенно утратила эстетическое чувство. Помню, как-то раз поверх шляпы я повязала шелковый платок, и вдруг мое лицо приняло древнерусский или иконописный вид. Мне вспомнилась боярыня Морозова, и я, несмотря на все, с удовольствием глядела на себя в зеркало. Половая сторона жизни во время этой зимы атрофировалась совершенно как у мужчин, так и у женщин. Не только какие-нибудь эротические эксцессы, но сама мысль об эротике была противна. Тоже почти не было в нашей жизни плача – только в случаях сильной обиды или отчаяния. Это была инстинктивная защита организма – слезы ведь тоже трата сил. Я не плакала почти всю зиму, помню только три случая плача, но зато стоило мне выйти на мороз, как я вся обливалась слезами. Не знаю, что такое делалось с глазами, но слезы капались градом.

В этом месяце было объявлено по радио, что хвоя сосновая содержит в большом количестве витамин С, и все стали через знакомых врачей и провизоров доставать пакетики с

этой хвоей. Несколько таких пакетиков принесла мне Тамара, и я попробовала настаивать эту хвою, но что-то она нам не понравилась, и мы ее бросили. Зато, когда раз в столовой выдали немного клюквы и на каждого из нас пришлось по полстакана, как мы были счастливы! Казалось, саму жизнь глотаешь!

В первые месяцы голода пищеварение у всех нас дало уклон в сторону закупорки. Поносы начались ближе к весне.

Однажды в декабре или в начале января я сделала вместе с Томашевскими замечательную покупку. Купленный продукт питания назывался «пыль» – и это и была пыль: труха от животных кормов, оставляемая скотиной за непригодностью в яслях. Эту пыль мне давно обещали на Петровском, но обманули, а Томашевские где-то достали. Кучка грамм в 800 стоила 70 руб. Мы с Зоей <Томашевской>⁸⁰ разделили ее пополам: на столе и дома я сделала из нее лепешки, прибавив соли, тмину, еще чего-то и поджарив на каком-то мас-

⁸⁰ Томашевская Зоя Борисовна (1922–2010) – архитектор, художник; мемуарист. Дочь И. Н. Медведевой-Томашевской. В начале Великой Отечественной войны студентка Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. В блокадном Ленинграде работала в ПВО. Вместе с семьей была вывезена зимой 1942 г. в Москву (вернулись в сентябре 1945 г.). После войны работала на кафедре интерьера и оборудования Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухомовой и др. С 1934 г. жила с родителями, а затем и с дочерью в писательском доме на наб. канала Грибоедова, д. 9; способствовала созданию в нем Музея-квартиры М. М. Зощенко. Оставила воспоминания «Петербург Ахматовой: семейные хроники», в т. ч. записанные сотрудниками Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Скончалась в Пушкине, похоронена на Казанском кладбище.

ле. Но есть было нельзя. Саша не мог совершенно, отказался даже Вовочка, а я ела – с мучением, но ела: в этой пыли содержалось что-то такое жгучее, что мгновенно воспалялась вся полость рта. Жиров у нас совсем не было; у мамы случайно сохранился флакончик какого-то жирного витамина, и мы его каплями прибавляли к пище. Раз одна спекулянтка за бешеные деньги продала нам 600 г неизвестного технического масла, почти черного на вид. Какая это была мерзость!

Однажды Зоя Томашевская мимоходом из Академии художеств зашла к нам и принесла Вовочке «мороженое». Мы были заинтригованы: какое такое мороженое? Оказывается, покровительствовавшая ей в Академии художеств хозяйственница дала ей мороженой жидкой пшениной каши, и Зоя решила поделиться с Вовочкой. Не могу сказать, как я была тронута! Зоя была добрая девочка, и я очень любила, когда она заходила к нам. Сейчас у них с мальчиком начинался смех. Голод – смех; бомбы – смех; все было смешно. Вот она милая, счастливая юность! Слушая их, я молодела сама и хохотала вместе с ними.

Теперь, когда я вспоминаю это «мороженое» из пшена, принесенное Зоей, мне совершенно ясно, что в это самое время Томашевские были по горло сыты моим пшеном, и Зоя принесла это мороженое потому, что оно было совершенно лишнее, а вид получился такой, что вот, мол, какие мы добрые, благородные. Томашевская про свою дочь по этому поводу так и говорила: «Зоя добрая девочка».

Во время блокады в Ленинграде действовала теория о смысле вывоза людей, а не привоза продуктов. Увоз человека – это один рейс самолета или грузовика, а привоз питания для этого человека – это бесчисленное количество рейсов. Поэтому старались как можно больше народу вывезти, агитировали за эвакуацию, вывозили почти насильно.

Осенью <1941 г.>, когда немцы только подступали, эвакуация шла сплошная, паническая, часто бессмысленная, иногда как будто вредительская <...>

В Союзе писателей усвоили прием запугивания: «это последняя партия, больше не будет, уезжайте, спешите». И люди бросали все и ехали по лютному морозу в грузовиках и автобусах по Ладожскому озеру под обстрелом немецких самолетов и пушек. Машины проваливались под лед, и сколько их погибло!

Летом 1941 года, когда начались налеты, мама каждому из нас сшила ладанки, вложив в них 90-й псалом, освятила их в церкви и повесила нам на шею. У Вовочки ладанка была кожаная. Она хранится у меня и сейчас. Он поверил в нее и носил, не снимая, была она с ним и в Москве, во всех его больницах. Носили и мы, но когда посыпались на нас смерти и беды, разорение и голод, Саша снял с себя ладанку и с горечью сказал маме: «Она нам принесла несчастье, эта ваша ладанка!» Мама изумленно на него посмотрела, что-то слабо возразила. Я тоже скоро перестала ее носить. Вот этот псалом, который нам не помог:

«Крылами своими осенит тебя и под крылом Его укроешься. Истина Его есть щит и ограждение. Не убоишься ужасов ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мреке, заразы, опустошающей в полдень. Близь тебя падут тысяча и десять тысяч по правую руку твою, но тебя не коснется».

Боже милостивый. Боже милостивый! Нас не спас псалом, но я верю в Твой щит и ограждение и для меня не напрасно сказаны эти сияющие, бесподобные слова!

Уберечь мальчика от голода, болезни, стужи, бомб я не могла, а только старалась внушить ему осторожность во всем, чтоб не прибавилось лишней беды по собственной оплошности. Один из ежедневных наказов перед выходом его на улицу был: «Когда проезжает автомобиль (их почти в городе не было, но, случалось, проносился шальной) – остановись». Ноги нас держали плохо, на скользком снегу легко было упасть – и прямо под проезжающую машину, и шофер даже не будет виноват. Поэтому: «Не спеши, дай ему проехать». Мальчик меня слушался.

Странное зрелище представляли собой рынки зимой. Хлеб стоил в начале зимы 300 рублей, потом 400, наконец дошел до 700 рублей килограмм. Летом 1942 года за кило чечевицы я заплатила 1200 рублей, за масло 2000 рублей. Я не помню всех цен. Помню только кое-какие свои обмены. Так одно шерстяное платье пошло за 400 г конфет и кулек ячменя. Моя великолепная венесуэльская пижама – за 800 г хлеба. Рояли люди весной отдавали, чтобы не бросить совсем,

даром, за 500 г хлеба. Остов моего рояля (ножки, крышки, педали, пюпитр и 4 пластинки слоновой кости с клавиш были выломаны раньше грабителями) купил один простой человек с нашего двора, такой шофер Куприянов, для своей дочки за 2 кило пшена, пачку столярного клея и несколько свечек. Это была очень выгодная продажа. Да! Он дал мне еще 1500 рублей деньгами. Боже мой, как мне все завидовали и как я была счастлива! Эти Куприяновы были очень хорошие люди. Они, видимо, очень меня жалели. Они покупали у меня еще белье, шали, кольца, ожерелье, туфли. Что-то я просто подарила девочке в благодарность за их теплое отношение: почти каждый раз, как я к ним приходила, они давали мне тарелку супа.

Я отвлеклась от зимних рынков. Охачка дров стоила кило хлеба. Единственной валютой был хлеб, и на него менялись какие-то случайные плитки шоколада, папиросы, мыло, дуранда, столярный клей, ремни, какие-то весьма подозрительные голубоватые студни на тарелочках и всевозможные вещи.

Главными покупателями были военные и хлебные продавщицы. О, эти люди зимой! В бесформенных одеждах, закутанные до глаз, едва передвигающиеся на распухших, подогнутых ногах!

Раз на Сытном рынке я сменяла две вышитые шелками наволочки на два куса хлеба по 600 г каждый. Один кусок у меня вырвал из рук какой-то мальчишка и убежал. Никто не

мог его поймать. Как я плакала! И сколько было таких краж – крали карточки, деньги, вещи, нагло вырывали из рук. То тут, то там раздавался отчаянный вопль. Милиция бездействовала. Во-первых, ее почти не было – множество их вымерло, наравне с прочими гражданами: оставались большей частью тоже еле двигающиеся дистрофики. А которые двигались – те, как и всегда, были заняты взиманием штрафов за торговлю, разгоняньем людей да грабежом, как наш Титов.

В декабре или январе по Ленинграду был составлен список наиболее выдающихся и ценных людей – писателей, художников, ученых – на так называемый «золотой паек». Саша был включен в этот список в первый же месяц существования этого пайка. Выдавался он в магазине Елисеева, на Невском <д. 56>, на складе, а накладная получалась где-то в комнате наверху, по винтовой лестнице.

Никогда не забуду первого похода за этим пайком. Саша не мог сам нести, я служила рикшей. В пайке было 2 кило мяса, $\frac{1}{2}$ кг масла, $\frac{1}{2}$ кг сах<арного> песку, кило гречневой крупы, $\frac{1}{2}$ кг манной, $\frac{1}{2}$ кг рису, 2 пачки папирос.

Это действительно был «золотой паек»! Он получал его до июня 1942 года включительно, до своего отлета в Москву. Но сколько этот паек внес в семью раздоров и обид, о которых сейчас горько вспомнить!

В один из моих походов к Елисееву за этим пайком я встретила там сухонького старичка научного вида, назвав-

шегося профессором Вериго⁸¹.

Его фамилия напомнила мне Вериго, живших против нас на 7-й линии⁸² и пострадавших однажды от одной моей шалости.

Дело было так. В одном доме с нами, на третьем этаже, жил Густав Густавович Бродерсен⁸³, или просто Бродька, – наш учитель рисования, которого мы все терпеть не могли. И вот раз, возвращаясь с Наташей Бабошиной после уроков, мы решили пойти к Бродьке и как-нибудь ему напакостить. Поднявшись на его площадку, мы увидели мусорную корзину и, недолго думая, вывалили ее содержимое к его дверям. А на первом этаже наше внимание привлекла дощечка, на которой было написано «Вериго». Эта фамилия тотчас вызвала в памяти Америго Веспуччи⁸⁴, про которого мы недав-

⁸¹ Вероятно, «старичком» выглядел тогда Александр Брониславович Вериго (1893–1953) – физик, стратонавт, исследователь космических лучей; профессор. С 1923 г. по 1953 г. работал в Радиевом институте. В блокадном Ленинграде возглавлял группу сотрудников института (остальные были эвакуированы с институтом в Казань или ушли в народное ополчение); проводил оборонные работы, наладил производство светящихся составов длительного действия на основе имеющихся в институте остатков радия и снабжал ими воинские части Ленинградского фронта. За военные труды награжден орденом Трудового Красного Знамени. Скончался в Ленинграде, похоронен на Большеохтинском кладбище.

⁸² Квартира на 7-й линии Васильевского острова в д. 62а принадлежала зубному врачу М. И. Вериго-Туберозовой.

⁸³ Бродерсен Густав Густавович (1869–1944) – журналист, художник и издатель. В марте 1942 г. был эвакуирован из блокадного Ленинград в Пятигорск; когда немцы оккупировали город, перебрался в Германию. Скончался в Берлине.

⁸⁴ Америго Веспуччи (1454–1512) – итальянец; путешественник и мореплава-

но всё выучили по географии. Не знаю, как пришло в голову, но пришло мгновенно: не тут ли живет Америго Веспуччи. И мы позвонили. Открыла горничная. Наш вопрос привел ее в замешательство. Это нам понравилось, и на следующий день мы опять позвонили и спросили. Мы явились и в третий раз, но тут вышла дама и сказала: «Девочки, вы два раза позабавились, а теперь довольно». Мы убежали переконфуженные. И вот, когда я у Елисеева увидела этого старичка, на меня среди блокадного ужаса вдруг так и пахнуло давно прошедшей счастливой жизнью и так захотелось у него спросить, не жил ли он лет 25 назад на 7-й линии. Наверно, он сказал бы «да», и тогда я рассказала бы ему всю эту чушь про Америго Веспуччи... Но обстановка была неподходящая.

Наш зимний быт на Дворцовой страшно осложнялся мраком и отсутствием воды. Электрический свет был только до января, потом выключили. Сначала мы жили при лампе, оставалась еще капля керосина. Потом перешли на свечи. Воды не было совсем⁸⁵. Я пробовала добывать воду из снега, но вода получалась грязная и ее было мало. На Неву ходить

тель, в честь которого в 1507 г. названа Америка.

⁸⁵ За весь период блокады подача воды на сутки прекращалась только один раз: с 25 по 26 января 1942 г. (не удалось подвезти торф для 5-й ГЭС). В жилых домах не было воды часто – из-за постоянных разрывов труб от мороза или попадания в них снарядов, ограниченных запасов топлива, нехватки электроэнергии; вода не доходила выше третьего этажа, напор воды был слабым. Самой тяжелой была первая блокадная зима, когда 95 % внутридомовых труб оказались заморожены. К 1 февраля 1943 г. в большинстве домов Ленинграда уже действовали водопровод и канализация.

было очень трудно – слишком крутой спуск. Раз я достала воду из люка посреди Конюшенной улицы. Вокруг него выросла обледенелая гора, едва влезешь, едва стоишь на ногах, вода глубоко – чтобы достать, надо лечь на живот и опустить ведро на веревке. Но когда до меня дошла очередь, вдруг подъехал грузовик, шофер мимо всех полез со своим ведром, и после него вода оказалась вся заплывшей радужными разводами от керосина. Он спустил грязное ведро и отравил всю воду. Но пришлось взять и ее – другой не было. Потом я нашла кран с водой во дворе Финской церкви на Конюшенной⁸⁶ и там выстаивала часа по полтора, по два, на морозе, на обледенелом снегу.

Еще через некоторое время сказали мне, что есть вода поближе, во дворе одного дома в Волынском переулке⁸⁷, и я стала ходить туда. Там несколько раз видела трогательную картину. Какой-то мужчина приезжал туда с саночками, на которых стояло несколько ведер. Его сопровождал белый сеттер-лаверак. Это был остов собаки. У меня сжималось сердце от жалости. И вот этот пес терпеливо ждал, дрожа от холода, когда дойдет очередь до его хозяина, и смотрел, как тот наполняет ведра. Когда наполнялось последнее ведро, он взглядывал на хозяина и поворачивался: дело сделано, можно уходить. Что за милая, умная собака!

⁸⁶ Финская церковь Св. Марии (Б. Конюшенная ул., д. 8а).

⁸⁷ Правильно: Волынский переулок (от наб. р. Мойки до Большой Конюшенной улицы).

Другая собака, которую я видела в блокаде, был колли, громадный, рыжий, тощий пес. Это было летом – я встретила его на Марсовом поле и не могла отвести от него глаз. Животных в блокаде не было – все они вымерли или были съедены.

Я забыла сказать, что сделалось у всех с памятью – ее как будто не стало вовсе. Забывалось все. Я раз забыла фамилию Тамары Барыковой, фамилию Колдуэлла, автора «Табачной дороги», последнего романа, который я перевела перед войной, забывала фамилию Бетховена, Достоевского, имена ближайших друзей, названия вещей. Врачи говорили, что это оставит след на всю жизнь. Кажется, они правы, потому что у меня и сейчас бывают удивительные провалы памяти.

Еще запишу, что сейчас вспомнила: после бомбы <в доме на Петровском>, когда мы были уже на Дворцовой, в январе или в феврале, я написала письмо Коле в Америку⁸⁸, всем не надеясь, что оно дойдет, потому что я описала в нем все, что мы переживаем. Но оно каким-то чудом дошло, хотя, видимо, с купюрами, потому что он потом все спрашивал «сгорел ли домик на Петровском?». Это мое письмо он берег как святыню и все просил меня писать еще и еще, но я больше не написала ни разу.

Теперь расскажу о Вовочкиных товарищах и учителях, оставшихся в Ленинграде. Вовин класс почти весь вымер.

⁸⁸ Неустановленное лицо.

Остался в живых Олег Голубев – приезжал к нам в Москве, в чине лейтенанта, дважды ранен. Не знаю, что с ним сейчас. Андрюша Иванов – Вовочкин любимый друг, во время блокады поступил на морскую службу и тоже уцелел – навещал нас в Москве после Вовочкиной смерти. Из Москвы он был послан во Францию. Вася Пивоваров (Васька де музыканте) сначала пристроился к какой-то военной столовой, а потом сделался часовщиком, покупал, чинил и продавал часы. Мальчик привел его к нам летом 1942 года на Дворцовую, когда мы всё распродавали, и он купил у нас большие бронзовые часы и другие – «группу медведей», фарфоровые. Этим мальчикам была судьба уцелеть, как, может быть, уцелел бы Вовочка, если бы тогда, летом 1941 года, удалось мне устроить его в Военно-медицинскую академию. Но академия спешно эвакуировалась, и все мои хлопоты пропали даром.

Всех остальных постигла печальная участь. В начале зимы умер Володин товарищ Плигин (любитель рыб и аквариумов) одновременно с отцом, с которым они вдвоем жили.

Когда мы перетаскивали вещи с Петровского, нам несколько раз приходил помогать (за плату) еще один Володин товарищ (высокий тонкий юноша, фамилию его забыла), но вдруг он исчез, и нам сказали, что он умер. Самая горькая участь постигла близкого Володиного друга, славного мальчика, Борю Козлова. Он шел вечером из дому к приятелю по соседству и не вернулся. Потом найдены были части его одежды. Он был убит и, очевидно, съеден. Зимой был самый

разгар антропофагии⁸⁹.

Другой юноша, Карасев, или Карась, живший от нас через дорогу, с которым Вовочка играл в детстве во дворе, был съеден собственной матерью. Дело было так. Она жила с ним вдвоем. Отец был на казарменном положении. Раз пришел он домой, спрашивает, где сын. Не знаю, что она ответила. Но скоро он нашел под полом части его тела и одежду. Он донес на нее, и ее забрали. Сам он через несколько дней умер. Не думаю, чтобы она вообще была преступница, она просто сошла с ума.

Под нами жила интеллигентная женщина, Мария Влад<имировна> Чебышева. У нее была любимая кошка. Кошка сдохла, и Мар<ия> Влад<имировна> съела ее труп. Она отравилась трупным ядом и долго болела, но выжила – была жива еще летом 1942 года.

Я знаю двух маленьких мальчиков из порядочной семьи, в квартире которых умер жилец. Труп долго лежал, хоронить было некому и негде. Так вот эти мальчики всё просили у матери: «Позволь нам отрезать от дяди Вали кусочек помягче».

Наша старая приятельница Тося Кравцова, художница, раз пришла к нам на Дворцовую и поставила у самого порога какую-то жестянку. Я спросила: «Что вы там ставите?» Она отвечает: «Нашла на одной бомбежке жестянку, но она полна человеческих костей. Я никак не могла их вытрясти на мо-

⁸⁹ Антропофагия – употребление в пищу человеческого мяса; людоедство.

розе. Пусть постоит тут». Жестянки ей нужны были потому, что она делала из них коптилки, продавала их и тем жила.

Тося погибла летом 1942 года. Она очень боялась оставаться в здании, когда начинался обстрел, и всегда выходила на улицу, к стене своего дома. И вот раз вышла она так и стала почти на линии своего окна. В это время снаряд попал в стену, как раз под ее комнатой. Осколком она была убита мгновенно: он попал ей прямо в сердце. Комната ее осталась цела, но была немедленно ограблена соседями. Тося жила на Васильевском, на том острове, где всегда жило много немцев и считалось, что Васильевский они не будут ни бомбить, ни обстреливать. Но они разрушили его ужасно. Чтобы закончить тему об антропофагии, скажу, что в июле 1942 года моя подруга Тамара Барыкова была послана на Волково кладбище рыть окопы. На одной из дорожек кладбища она наткнулась на отрубленную повыше женскую руку (эти части не шли <в пищу>), совершенно свеженькую, со свежим маникюром. Очевидно, убийство было совершено не далее как накануне вечером.

Летом я не раз слышала, как матери пугали своих детей, когда они не слушались: «Вот тебя людоед возьмет!» Этого было достаточно, чтобы ребенок с ревом бросался к матери и делал, что она велит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.